

АЛЕКСЕЙ НЕБОХОВ

ИЗОЛИУМ.
ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД

Алексей Небоходов
Изолиум. Подземный Город
Серия «Изолиум», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72710542

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда свет пропал, все подумали – это конец. Оказалось, это новая власть.

Теперь избранные живут под землёй, в городе-куполе, где воздух чище, чем совесть, и порядок включается по расписанию. Остальные бродят наверху – как в первобытном веке, среди обломков былой цивилизации, где на людей нападают погаши и мутировавшие тараканы. Здесь запрещено всё, что бьётся током – особенно чувства. Любовь считается коротким замыканием, сомнение – саботажем, а молитва – неисправностью системы.

Но даже идеально спроектированный рай не выдерживает человеческого тепла. Стоит кому-то вспомнить, что такое прикосновение, – и весь Изолиум начинает искрить.

Это роман о том, как выжить в мире, где отключили не только электричество, но и душу. И о том, что одна человеческая искра всё равно сильнее тысячи ватт страха.

Читайте, пока сеть ещё дышит.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	46
Глава 3	86
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Алексей Небоходов

Изолиум. Подземный Город

Глава 1

Лес смыкался над путниками колючей хвойной кровлей. Сквозь неё изредка пробивались тусклые лучи зимнего солнца, превращая снег в россыпь микроскопических бриллиантов. Денис шёл впереди, проваливаясь по колено в нетронутый покров. С каждым шагом тело наливалось свинцовой тяжестью. Дыхание вырывалось облаками пара, кристаллизуясь на обветренных губах и щеках. В голове билась простая и упрямая мысль, словно стук метронома: «Ещё шаг, ещё один, ещё...»

За Денисом, увязая в проложенной тропе, брели остальные. Самодельные носилки с Лизой покачивались на плечах Ильи и Фёдора – два сосновых бревнышка, связанные остатками тряпья и кожаными ремнями. Крепления врезались в плечи мужчин так глубоко, что даже сквозь толстые куртки проступали следы. Девушка лежала неподвижно, закутанная в несколько слоёв чужой одежды – куртка Фёдора, шарф Даши, свитер Дениса. Бледное лицо с заострившимися скулами и потрескавшимися губами напоминало византийскую икону. Глаза, когда Лиза открывала их, всё ещё иногда вспыхи-

вали синеватым светом, но слабее – внутренний огонь догорал, оставляя тлеющие угли.

Даша шла рядом, придерживая свисающий край импровизированного ложа. Время от времени наклонялась, проверяя дыхание боевой подруги, тихо говорила ей – не надеясь на ответ, а чтобы звук человеческого голоса не давал окончательно соскользнуть в пространство между явью и небытием, где, казалось, блуждало сознание после ритуала осонитов.

– Скоро стемнеет, – произнёс профессор Самолётов, замыкавший процессию. Трость утопала в снегу на всю длину, и старик опирался на стволы деревьев, чтобы не упасть. Седые волосы покрылись инеем, делая его похожим на древнего лесного духа. – Нужно найти убежище до наступления темноты. Погаши выходят на охоту сразу после заката.

Оксана, державшаяся поодаль, нервно оглянулась через плечо, словно услышав что-то в глубине леса. Выжженный символ Осона на шее в холодном воздухе покраснел и набух, напоминая о недавнем кошмаре. С момента бегства из Яхромы женщина почти не разговаривала, но постоянно оставалась настороже, первой замечая изменения в окружающем пространстве – выработала особое чутьё на опасность.

– Разведаю, что впереди, – сказала она внезапно и, не дожидаясь ответа, скрылась между деревьями с особой грацией людей, научившихся двигаться незаметно не по книгам, а по жестокой необходимости.

– Какая красивая женщина, – пробормотал Фёдор, по-

правляя врезающийся в плечо ремень и провожая взглядом исчезающую между деревьями фигуру.

Даша хихикнула и насмешливо посмотрела на него, приподняв бровь.

– Что? – Фёдор нахмурился, но румянец на обветренных щеках имел мало общего с морозом. – Просто констатирую факт.

– Ага, конечно, – протянула девушка, всё ещё улыбаясь уголками губ.

Денис остановился, прислушиваясь к разговору. Усталость делала каждое движение мучительным, каждую мысль – вязкой. Он взглянул в сторону ушедшей Оксаны с теплотой и благодарностью.

Все восхищались ею – женщиной, которая несмотря на ожог продолжала заботиться о группе. Благодаря её решительности они нашли запасной выход из горящего здания. Денис вспомнил, как спасательница, не думая о себе, вернулась за Лизой, когда остальные потеряли надежду.

С нависшей еловой лапы сорвался ком снега, упав за шиворот. Холод пробежал по позвоночнику, вызвав дрожь – на мгновение показалось, что чьи-то ледяные пальцы ухватили за загривок. Денис резко обернулся, но позади были только усталые спутники и бесконечные ряды сосен, чьи стволы в сгущающихся сумерках казались частоколом, отделяющим маленький отряд от остального мира.

– Нужно идти дальше, – сказал он, стряхивая снег. – Пока

совсем не стемнело.

– Лизе становится хуже, – Даша коснулась лба больной. – Она горит. Нам нужно найти тёплое место и развести огонь. Илья с тревогой посмотрел на бледное лицо любимой.

– Может, сделать привал? Соорудить шалаш из еловых веток?

– Нет, – покачал головой профессор, переводя дыхание. – В такой мороз костёр должен гореть всю ночь, иначе замёрзнем. А значит, нужно много дров. Кроме того... – он запнулся, словно не решаясь произнести следующую мысль, – состояние нашей пациентки может быть связано не только с физическим истощением, но и с воздействием ритуалов Нефёндра. Мне нужно изучить её в спокойной обстановке.

В этот момент среди деревьев мелькнула фигура Оксаны. Разведчица двигалась быстро, почти бесшумно. Когда приблизилась, в её глазах читалось странное выражение – смесь тревоги и надежды.

– Там дальше, за поворотом тропы, стоит дом, – сказала она, переводя дыхание. – Большой. Похоже на богатый особняк. Выглядит заброшенным, но крыша цела.

Новость всколыхнула угасающие силы путников. Даже Лиза отреагировала – веки дрогнули, пальцы слегка шевельнулись, словно пытаясь ухватиться за что-то невидимое.

– Насколько он безопасен? – спросил Фёдор, в голосе которого профессиональная подозрительность боролась с надеждой на тепло и отдых.

– Следов человеческого присутствия не видно, – ответила Оксана. – Но это не значит, что там никого нет.

– Придётся рискнуть, – решил Денис, взглянув на темнеющее небо. – Выбора особо нет.

Группа двинулась дальше, подгоняемая страхом перед ночью и воодушевлённая перспективой найти кров. Даже носилки с Лизой казались легче – или носильщики просто нашли в себе новые силы. Снег поскрипывал под ногами, словно пел о скором отдыхе. Задевавшие лица ветки больше казались не враждебными плетями, а лишь последним препятствием на пути к убежищу.

За очередным поворотом открылась поляна, окружённая вековыми соснами. Посреди неё возвышалось трёхэтажное здание из стекла и бетона. Геометрически правильные линии, резко контрастирующие с органичной хаотичностью леса, создавали впечатление инородного объекта, заброшенного в глушь причудой богатого хозяина.

Панорамные окна первого этажа, некогда прозрачные, теперь покрылись толстым слоем инея, превратившись в матовые экраны с размытыми очертаниями за ними. Плоская крыша в стиле модернистской архитектуры прогнулась под тяжестью снега, образовав в центре опасное углубление, но всё ещё держалась. Широкие мраморные ступени у главного входа покрылись ледяной коркой, делая подъём скользким.

– Что за странное место, – прошептала Даша, обводя взглядом внушительное строение. – Кому пришло в голову

построить такое посреди леса?

– Судя по архитектуре – конец десятых, – отметил профессор с профессиональной точностью. – Период, когда состоятельные жители столицы стремились к уединению. Чем дальше от цивилизации, тем престижнее. С практической точки зрения место неплохо выбрано – защита от ветра, скважина, возможно, генератор.

– Если там генератор, то он мёртв, как и всё остальное, – мрачно заметил Денис. – Пойду проверю вход.

Он осторожно поднялся по обледенелым ступеням, держась за ржавые перила. Массивная дверь из тёмного дерева и стекла была приоткрыта – не настежь, а словно кто-то в спешке забыл закрыть. Сквозь щель задувал ветер, образуя на полу маленькие сугробы. Денис толкнул – та поддалась с протяжным скрипом, обнажив просторный холл с высоким потолком.

– Кажется, безопасно, – крикнул он остальным. – Давайте сюда!

Вскоре вся группа оказалась внутри особняка. Фёдор и Илья аккуратно поставили носилки с Лизой у стены, после чего второй опустился рядом, взяв девушку за руку, тогда как первый, разминая затёкшие плечи, начал осматривать помещение с методичностью полицейского на месте преступления.

Дом внутри казался просторнее, чем снаружи. Вестибюль с атриумом в два этажа был обставлен массивной мебелью

из тёмного дерева – диваны и кресла под белыми чехлами выглядели призрачными силуэтами в полумраке. Большая люстра из металла и стекла висела над центром, безжизненная и холодная, как скелет фантастического существа. Мраморный пол со сложным геометрическим узором местами потрескался, а в углах скопились сугробы снега, надутые через щели в оконных рамах.

– Камин, – заметила Даша, указывая на дальнюю стену, где располагался внушительный очаг, облицованный диким камнем. Рядом аккуратно сложенные поленья ждали своего часа. – И дрова есть!

– Проверю дымоход, – сказал Фёдор, направляясь к очагу. – Если не забит, можно развести огонь.

Оксана тем временем бесшумно скользила вдоль стен, проверяя каждую дверь и тёмный угол, словно ожидала засаду. Её движения напоминали хищника – экономные, точные, настороженные. Дойдя до французских дверей на террасу, она остановилась, глядя через стекло на бывший роскошный бассейн, превратившийся в ледяное зеркало под снегом и сосновыми иглами.

– Тут безопасно, – сказала разведчица, возвращаясь к группе. – На первом этаже никого.

Профессор, опустившийся в кресло у камина с явным облегчением, достал из внутреннего кармана блокнот.

– Нам повезло, – произнёс старик, листая страницы с мелким почерком. – Такие особняки строились с расчётом на

автономность. Здесь должны быть запасы еды, генератор, который без энергетических карточек бесполезен, возможно, медикаменты.

– Не рассчитывайте на многое, – возразил Фёдор, взясь за заслонку. – Судя по пыли, здесь никого не было минимум год. Ценное давно растащили.

Денис, исследовавший дальнюю часть холла, замер перед стеклянной дверью, ведущей в кабинет или библиотеку. Сквозь мутное от инея стекло виднелись тёмные очертания книжных полок, массивный стол и сейф в углу.

– Кабинет хозяина, – сказал он, пытаясь открыть дверь, но та была заперта. – Может, там есть что-то полезное.

Илья поднял голову от Лизы.

– Её нужно согреть, – произнёс с тревогой. – Она вся дрожит.

Даша опустилась рядом, проверяя состояние больной.

– Жар усиливается, – констатировала она, коснувшись лба пострадавшей. – Дыхание неровное. Нужна медицинская помощь.

– Сначала огонь, – решительно сказал Фёдор, откидывая заслонку. Внутри оказалось чисто, без препятствий для тяги. – Потом еда и лекарства. Денис, помоги с дровами.

Вскоре в камине запылало пламя, сперва робкое, но постепенно набирающее силу. Тёплый свет растекался по холлу, вытесняя сумрак, превращая белые чехлы в золотистые острова. Тени плясали на стенах, словно призраки прежних

обитателей, собравшиеся посмотреть на незваных гостей.

– Надо перенести Лизу ближе к теплу, – предложил Денис.

Они с Ильёй аккуратно переместили девушку на диван перед очагом. В тепле её лицо словно ожило – щёки порозовели, дыхание стало ровнее. Глаза оставались закрытыми, а тело периодически сотрясала мелкая дрожь, будто она боролась с внутренним кошмаром.

– Если в доме есть аптечка, нужно найти жаропонижающее, – сказал профессор, наклоняясь к пациентке и проверяя пульс. – Температура слишком высокая.

– Я осмотрю второй этаж, – вызвался Фёдор. – В таких домах обычно несколько спален и ванные комнаты. Возможно, найдётся что-то полезное.

– Я с тобой, – сказала Оксана тоном утверждения, не просьбы.

Фёдор бросил на неё взгляд, задержавшись на профиле дольше необходимого, и кивнул. Уголки губ дрогнули в едва заметной улыбке. Напряжённые плечи слегка расслабились, когда спутница встала рядом.

Они поднялись по широкой лестнице, исчезнув во тьме второго этажа. Оттуда вскоре донеслись звуки открываемых дверей и шагов по паркету.

Денис опустил на корточки перед очагом, подбрасывая поленья. Огонь жадно набросился на сухую древесину, выстрелив снопом искр в закопчённый дымоход.

– Как думаешь, что это за место? – тихо спросила Даша,

сядась рядом.

– Судя по всему, загородный дом богача, – ответил Денис, разглядывая резную мебель и хрустальные бокалы на столике под слоем пыли. – Строили такие особняки вдали от людей, чтобы скрыться от шума. Приезжали на выходные, устраивали вечеринки. А потом...

– А потом наступила тьма, – закончил профессор, подсаживаясь к огню. – И все эти дворцы с электроникой стали бесполезными музеями былой роскоши.

Старик достал из кармана несколько листков из блокнота и бросил в огонь. Бумага вспыхнула, на миг превратив пламя в ослепительно-белое.

– Я описал симптомы Лизы, – пояснил он, заметив вопросительный взгляд. – Но понял, что бесполезно. То, что с ней происходит... это не медицинский случай. По крайней мере, не в привычном понимании.

– Что вы имеете в виду? – спросил Илья, не отрываясь от лица любимой.

– Нефёндр и культ использовали технологию или силу, изменявшую людей на фундаментальном уровне. Не просто сознание – саму природу нервных импульсов, – профессор потёр переносицу, фокусируя мысль. – Я видел подобное у Погашей. Но там процесс был односторонним – угасание, потеря энергии. Здесь что-то иное. Словно человеческую энергию не просто забирали, а перенаправляли. Использовали как проводник.

– Для чего? – тихо спросила Даша.

Профессор покачал головой.

– Не знаю. Но думаю, ответ связан с картами энергии, которые мы видели. И с баржей, к которой идём. Всё взаимосвязано – блэкаут, Погаши, культ Осона...

С верхнего этажа донеслись шаги, и вскоре на лестнице появились Фёдор с Оксаной. Лицо бывшего полицейского выражало смесь удивления и настороженности.

– Там наверху три спальни, – сообщил он.

Вечер превратил огромные окна в чёрные зеркала, отражающие лишь мерцание камина – трепещущий остров света в океане тьмы. Вернувшиеся разведчики принесли запах пыли и заброшенности вместе с трофеями – стопкой потускневших простыней из шкафа, парой шерстяных одеял с запахом кедра и, самое ценное, маленькой аптечкой с нетронутыми блистерами, уцелевшей в ванной хозяйской спальни.

– Три комнаты, как я и сказал, – продолжил Фёдор, опуская находки на ближайшее кресло. – Хозяйская с ванной, гостевая поменьше и что-то вроде детской. Мебель добротная, но пыли столько, что дышать трудно. В детской – мышьеное гнездо в матрасе.

Оксана раскрыла аптечку и высыпала содержимое на столик. Тонкие пальцы быстро перебирали блистеры, отделяя нужное от бесполезного.

– Парацетамол, – сказала она, поднимая два блистера. – Сохранился неплохо. И антибиотики... срок годности истёк,

но в таких условиях лучше, чем ничего.

Профессор взял лекарство, внимательно изучил упаковку.

– Жаропонижающее – хорошо, – кивнул он, извлекая таблетки. – Денис, принеси воды. В доме должен быть автономный водопровод. Возможно, насос не работает, но в трубах в подвале может оставаться жидкость.

Денис кивнул, но направился в сторону предполагаемой кухни. За массивной двустворчатой дверью открылось просторное помещение, застывшее в меланхоличной неподвижности ушедшей эпохи. Хромированные поверхности потускнели, но хранили память о былом блеске. На мраморной столешнице виднелись свежие следы крысиных лапок – маленькие звёздочки на сером полотне пыли.

Он начал открывать шкафчики один за другим. За третьей дверцей обнаружилась неожиданная находка – штабель картонных коробок в глубине. Денис вытащил верхнюю, разорвал слипшийся от влажности и ломкий от мороза картон. Внутри, как солдаты в строю, стояли шесть бутылок воды. Пластик помутнел, но печати остались нетронутыми.

Когда он вернулся в холл с целой коробкой, Оксана с Дашей замерли над простынями, расстеленными перед очагом. Фёдор выронил подушку. Даже профессор оторвался от запястья пациентки, где считал пульс.

– Вода, – сказал Денис, опуская ношу. – Целый ящик. И там ещё три.

Коробку оставили греться возле камина. Затем профессор взял бутылку, сломал печать и с помощью Ильи приподнял голову больной. Её губы были сухими, потрескавшимися, как земля после засухи. Старик осторожно поднёс таблетку ко рту, смочил губы прозрачной жидкостью. Лиза сглотнула почти рефлекторно, без признаков сознания.

– Теперь есть шанс, – сказал профессор, опуская голову на импровизированную подушку из куртки. – С достаточным количеством воды жар должен спастись к утру.

Илья сидел рядом, не отпуская руки любимой, словно физический контакт был единственной нитью, связывающей с миром живых. В глазах застыла особая беспомощность людей, осознающих бессилие перед чужой болезнью – отчаянное желание помочь при невозможности что-то изменить.

Камин продолжал гореть, окрашивая комнату в тёплые янтарные тона, создавая иллюзию уюта среди запустения. Даша разложила на импровизированном столе их запасы – две банки тушёнки, пакет сухарей, флягу с водой из лесного ручья.

Металл тихо звякнул о дерево. Девушка подняла взгляд, встречаясь глазами с каждым по очереди, словно спрашивая разрешения. Пальцы замерли над крышкой.

– Поедим? – произнесла тихо, будто сомневаясь в праве распоряжаться общими запасами.

Ужин оказался скромным, но тёплым – открытая банка, разогретая у огня, сухари и чай из остатков заварки, найден-

ной в кармане профессора. Ели молча, экономя силы даже на разговоры. Только потрескивание пламени нарушало тишину.

После ужина решили организовать дежурство. Фёдор вызвался на первую смену, Денис – на вторую. Остальные устроились на разложенных перед очагом простынях, закутавшись в найденные одеяла и собственную одежду. Оксана легла в стороне, положив рядом нож – не угрожающий жест, а привычка человека, научившегося быть начеку.

Даша прижалась к груди Дениса. Он обнял её, чувствуя щекочущие подбородок волосы, смешивающееся тепло их тел. Профессор расположился неподалёку, склонившись над потрёпанным блокнотом. Илья остался сидеть возле Лизы, прислонившись спиной к дивану. Его профиль, очерченный пламенем, застыл в неподвижности, словно часовой на границе миров.

Ночь опустила на особняк тяжёлый полог тьмы, поглотив лес и отрезав дом от мира. Ветер усилился, скользя за оконными рамами с мелодичным свистом, напоминающим голоса далёких флейт. Снег на стёклах превращался в капли воды, стекающие причудливыми узорами, как слёзы по морщинистым щекам старого дома. В коридорах и пустых комнатах пробуждались звуки – не угрожающие, а печальные, ностальгические. Поскрипывание половиц под давлением прохлады, шорох мышей в стенах, стон рассыхающегося дерева – здание словно рассказывало историю тем, кто готов был

услышать.

Фёдор сидел у огня, методично подбрасывая поленья через равные промежутки, как человек, привыкший к дисциплине даже в хаосе. Взгляд скользил по спящим товарищам, задерживаясь на Оксане дольше, чем на других. В её расслабленном лице проступали черты прежней девушки – мягкие линии губ, разгладившаяся складка между бровей, трогательная незащищённость закрытых глаз.

В глубине дома что-то грохнуло – возможно, неустойчивая мебель потеряла равновесие, или крупная крыса опрокинула посуду. Дежурный напрягся, рука потянулась к поясу, где раньше висела кобура, но теперь – только нож. Несколько минут он вслушивался в тишину, но звук не повторился, и напряжение ушло из плеч.

Примерно в полночь, по старым механическим часам на стене, продолжавшим работать вопреки законам времени, Фёдор разбудил Дениса, коснувшись плеча.

– Твоя смена, – шепнул он. – Проверил все входы, заложил парадную дверь креслом. Особых проблем быть не должно, но, если услышишь что-то снаружи – буди сразу.

Денис кивнул, протирая глаза и стряхивая остатки сна. Фёдор устроился на освободившемся месте, почти моментально погрузившись в сон с особой способностью бывалых людей отдыхать при возможности и просыпаться по первому сигналу опасности.

Вторая половина ночи тянулась медленно, как патока. Де-

нис подбрасывал дрова, наблюдая за меняющимися тенями на стенах – то вытягивающимися в длинные дрожащие силуэты, то сжимающимися в плотные угловатые пятна. В один момент ему почудились в игре света очертания фигур – не конкретных, а эфемерных, словно призрачные образы прежних обитателей или отпечатки их жизней.

Профессор внезапно проснулся, сел на импровизированной постели, огляделся рассеянно и, увидев бодрствующего Дениса, подсел к огню.

– Не спится? – спросил молодой человек.

– В моём возрасте сон становится неверным другом, – ответил старик, протягивая руки к пламени. – Приходит, когда не ждёшь, и уходит в самый неподходящий момент.

Они посидели молча, наблюдая за огнём, потом профессор достал блокнот.

– Знаешь, Денис, я думаю о том, что мы видели в Яхrome, – сказал он, перелистывая страницы. – О синем свете в глазах "невест". О том, как Нефёндр забирал из людей что-то жизненно важное. Это не укладывается в рамки известной науки.

– Но вы же сами говорили о связи с изменением законов физики после блэкаута, – возразил Денис.

– Да, но... – профессор помолчал, подбирая слова. – Есть грань между изменением физических констант и тем, что мы видели. Это было почти... – он запнулся, – почти мистическое.

Денис удивлённо посмотрел на собеседника. Услышать слово "мистическое" из уст учёного-физика было неожиданно, как снег в пустыне.

– Вы верите в мистику?

– Я верю в то, что наблюдаю, – ответил тот. – А я видел нечто, выходящее за рамки известных физических процессов. Это не значит, что оно сверхъестественное – просто наука ещё не дошла до понимания.

За разговором время пролетело незаметно. Когда профессор снова прилёг, за окнами уже серело – не рассвет ещё, но предвестник утра, то неопределённое время, когда ночь уже не удерживает господство, а день ещё не набрал силу.

В этом свете дом выглядел менее таинственным, более конкретным – обычный заброшенный особняк с пылью и следами запустения. Ветер стих, комната наполнилась тишиной иного качества – не напряжённой ночной, а спокойной, почти умиротворённой.

В этой тишине Денис уловил изменение в дыхании Лизы. Оно стало глубже, ритмичнее, как у человека, выходящего из долгого сна. Приблизившись, он заметил, что веки девушки дрогнули, а пальцы слегка шевельнулись, словно пытаясь что-то нащупать. Илья, дремавший рядом, мгновенно проснулся, почувствовав движение.

– Лиза? – позвал он тихо, наклоняясь к лицу. – Ты слышишь меня?

Девушка медленно, с усилием, открыла глаза. В тусклом

утреннем свете синеватое свечение в зрачках почти исчезло, оставив лёгкий флёр, как отблеск далёкого сияния. Взгляд был мутным, расфокусированным, но живым – в нём читалось замешательство, страх и что-то похожее на смутное узнавание.

– Илья? – голос звучал слабо, как шелест бумаги, но без механической мелодичности, звучавшей в храме осонитов. Это был её настоящий голос – хриплый от долгого молчания, но подлинный.

К этому времени проснулись остальные. Даша моментально оказалась рядом, Фёдор отошёл к окну, давая пространство, но не сводя глаз с очнувшейся. Оксана села на краю импровизированной постели, выражая странную смесь облегчения и опасения. Профессор тоже приблизился. Его рука с блокнотом застыла в воздухе, будто он хотел что-то записать, но боялся упустить момент.

– Где... где мы? – спросила Лиза, пытаясь приподняться. Илья бережно поддержал за плечи, помогая сесть.

– В безопасности, – ответил он. – Мы нашли заброшенный дом в лесу. Тебе нужно отдыхать, ты была... – он запнулся, не зная, как описать состояние, – ты была не с нами какое-то время.

Лиза моргнула. Взгляд медленно обвёл комнату, задерживаясь на лицах собравшихся. В глазах постепенно проступало осознание, как рассвет, разгоняющий ночные тени.

– Я помню, – прошептала она, сжимая руки в кулаки. – Я

помню всё.

Первая слеза скатилась по щеке, оставив блестящую дорожку на бледной коже. За ней последовала вторая, третья, и вот уже поток омывал лицо. Она не рыдала, не издавала звуков – просто плакала, как плачут от облегчения после долгого кошмара или от стыда перед собой.

– Осон, – произнесла девушка, и само имя наполнило комнату холодом. – Они говорили, что это бог. Новый бог для нового мира. Что он избрал нас... избрал меня.

Илья обнял за плечи, притянул к себе, позволяя плакать на груди. Его глаза блестели, но он сдерживался, словно боялся, что, дав волю слезам, не сможет остановиться.

– Они давали нам что-то, – продолжила Лиза после паузы, голос обрёл больше силы. – В еде, в воде. Что-то, меняющее мысли, делающее их... пластичными. Сначала ты слышишь слова и не веришь. Потом сомневаешься. А потом просыпаешься утром и понимаешь, что веришь всем сердцем, готов умереть за Осона.

Она отстранилась от Ильи, вытерла слёзы тыльной стороной ладони. Глаза потемнели, в них читалась боль воспоминаний.

– Нефёндр говорил, что невесты – особые сосуды для энергии Осона. Что через нас его сила изливается в мир. Что мы станем матерями нового человечества, – опустила взгляд на руки, словно видя что-то, невидимое остальным. – Но на самом деле он просто использовал нас. Во время ритуалов...

Голос дрогнул, она замолчала, не в силах продолжать. Оксана осторожно взяла за руку.

– Ты не должна об этом говорить, если не хочешь, – сказала тихо. – Я тоже была там. Я знаю.

Между женщинами возникло безмолвное понимание – связь людей, прошедших через один ад.

– Я думала, что это действительно бог, – прошептала Лиза. – Что он даст цель, смысл. Что через меня в мир вернётся свет.

Она посмотрела на Илью с такой болью, что Денис невольно отвёл глаза.

– Но всё время, – продолжила дрожащим голосом, – голубоко внутри был ты. Даже когда я не помнила имени, не узнавала лица – в глубине души знала, что есть человек, которого люблю больше жизни. И теперь понимаю – это был ты. Всегда ты.

Илья стиснул зубы, желваки заходили на скулах. Он изо всех сил сдерживался, чтобы не расплакаться.

– Прости меня, – сказала Лиза, голос звучал тверже, словно признание возвращало силы. – Прости, что не узнала тебя. Что позволила затуманить разум. Что поверила в ложь.

Илья молчал – так долго и напряжённо, что казалось, никогда не заговорит. Потом просто сел рядом, так близко, что плечи соприкасались. Взял руку, поднёс к губам и поцеловал – не романтическим жестом, а как целуют святыню, с благоговением и облегчением.

– Я искал тебя, – сказал наконец. – С того момента, как ты ушла. Каждый день, каждую ночь. Я знал, что ты где-то там, внутри этой оболочки. Знал, что найду.

Он долго и нежно целовал её в лоб, будто ставя печать, скрепляющую обещание.

– Всё позади, – произнёс, глядя прямо в глаза. – Всё это – позади. Главное, что ты вернулась.

В очаге догорали последние поленья, пока тёплый свет смешивался с серым утренним, проникающим через заиндевевшие окна. За стенами шумел просыпающийся лес – шелест ветра в кронах, далёкое постукивание дятла, робкое пение первых птиц, нарушивших зимнее безмолвие. Мир продолжал жить неторопливой жизнью, равнодушный к человеческим страданиям и радостям, историям любви и предательства, борьбе света и тьмы.

В этом равнодушии была странная мудрость – мудрость вечного свидетеля, видевшего рождение и смерть цивилизаций, расцвет и падение империй, приход и уход богов, настоящих и фальшивых. В этой мудрости таилась надежда – на то, что человечество найдёт путь через тьму, что каждая потерянная душа сможет вернуться домой, что свет, настоящий свет, всё ещё существует где-то в конце дороги, кажущейся бесконечной, но длинной ровно настолько, насколько нужно, чтобы измениться в пути.

Утро врывалось в особняк сквозь запylённые окна, высвечивая танцующие пылинки и превращая их в крошеч-

ные звёзды, дрейфующие в сумрачном пространстве. Фёдор проснулся первым – годы в полиции выковали привычку встречать рассвет на ногах. Потянувшись, разминая плечи, он взглянул туда, где спала Оксана, свернувшись калачиком под шерстяным одеялом. Даже во сне она сохраняла настороженность – рука на рукояти ножа, тело напряжено, готовое сорваться с места. Шрам от символа Осона на шее в утреннем свете казался почти чёрным – клеймо, которое останется до конца дней, напоминание о пережитом кошмаре.

Остальные ещё спали, кроме профессора, уже сидевшего у огня, подбрасывая в угли свежие поленья. Илья и Лиза лежали, прижавшись – две фигуры, слившиеся под одним одеялом в единый силуэт. Денис с Дашей тоже спали обнявшись, находя в близости защиту от холода внешнего мира.

– Доброе утро, страж порядка, – тихо сказал профессор, заметив пробуждение Фёдора. В голосе слышалась мягкая ирония, без насмешки. – Огонь почти погас, пришлось реанимировать.

Фёдор кивнул и, стряхнув остатки сна, направился к очагу. Присел рядом, протянул руки к пламени. В утреннем холоде тепло ощущалось особенно остро, почти физически – словно можно было собрать его в ладони и положить в карман.

– Как наша пациентка? – спросил он, кивая в сторону Лизы.

– Лихорадка отступила, – ответил профессор, поправляя

очки. – Жар спал. Физически восстановится. Что касается ментального состояния... – он помолчал, подбирая слова. – Время покажет. Такие травмы не заживают по расписанию.

В этот момент на другом конце комнаты зашевелилась Оксана. Она приоткрыла глаза не медленно, как человек, неохотно расстающийся со сном, а резко и полностью, как хищник, почуявший опасность. Рука сжалась на рукояти ножа, взгляд быстро obeжал помещение, фиксируя положение каждого, оценивая обстановку. И только убедившись в безопасности, позволила себе расслабиться.

– Что за шёпот с утра пораньше? – спросила, поднимаясь и приглаживая растрёпанные волосы.

Фёдор невольно улыбнулся.

– Обсуждаем планы на день, – ответил он, хотя никаких планов с профессором ещё не обсуждал. – Выспалась?

Оксана пожала плечами и подошла к огню, протянув руки. Присела на корточки рядом с профессором, по-прежнему держась поодаль, сохраняя невидимую дистанцию, которую, казалось, выдерживала со всеми.

– Не очень, – призналась она. – Этот дом... слишком мрачен.

Профессор понимающе кивнул, не требуя пояснений. Фёдор хотел спросить, что она имеет в виду, но что-то в её взгляде заставило его промолчать. Вместо этого он поднялся и начал осматриваться, словно ища занятие.

В дальнем конце холла привлекло внимание большое зер-

кало в тяжёлой раме над маленьким столиком. Пыль и время сделали его почти матовым, но всё же можно было разглядеть отражение. Фёдор подошёл ближе, посмотрел на себя и поморщился – щетина отросла, волосы торчали во все стороны, под глазами залегли тёмные круги. Вид как у бродяги, а не бывшего офицера полиции.

Он достал складной нож, раскрыл и попытался привести себя в порядок – подровнять щетину, пригладить волосы. Действия были нервными, словно готовился к важной встрече, а не просто наводил марафет в заброшенном особняке. Краем глаза поглядывал в сторону камина, где сидела Оксана, и взгляд смягчался каждый раз, когда замечал, как утренний свет очерчивает её профиль.

– Прихорашиваемся? – негромко спросил проходивший мимо Денис, тоже проснувшийся и направлявшийся к огню.

Фёдор смутился, но быстро нашёлся с ответом:

– Поддержание гигиены необходимо для сохранения дисциплины в отряде, – сказал с напускной серьёзностью. – И, кроме того, – добавил тише, – никогда не знаешь, когда придётся кого-нибудь очаровывать.

Денис усмехнулся, но промолчал, лишь бросил взгляд в сторону Оксаны, показывая, что понимает мотивы. Фёдор сделал вид, что не заметил, и сосредоточенно продолжил бриться.

К очагу подошла Лиза, поддерживаемая Ильёй. Она всё ещё была бледна, но в глазах не осталось следа синеватого

свечения – только человеческая усталость и тихая радость от возвращения в реальный мир. Оксана подвинулась, уступая место ближе к огню.

– Как ты? – спросила Лизу, и в этих простых словах было столько понимания, столько невысказанной общей боли, что девушка на мгновение закрыла глаза, справляясь с нахлынувшими эмоциями.

– Лучше, – ответила та тихо. – Благодаря вам.

Фёдор, закончив утренний туалет, решил действовать. Он вышел через боковую дверь в заснеженный сад. Снег сверкал на солнце, нетронутый, чистый, словно альбомный лист, ждущий первых штрихов. Осмотревшись, начал искать подарок для Оксаны. Сорвать цветы или найти что-то красивое в зимнем лесу невозможно, но...

Взгляд упал на старое дерево, чья кора, выступающая из-под снега, казалась красноватой в утреннем свете. Он подошёл, достал нож и аккуратно вырезал два кусочка, придав форму сердечек. Потом отломил тонкую веточку и нанизал на неё свои творения, создав примитивный букет.

– Подарок природы, – пробормотал он, улыбаясь изобретению. – Простой, но со смыслом.

Когда вернулся, группа уже полностью проснулась и собралась у огня. Даша доставала из рюкзака остатки припасов, готовясь к скромному завтраку. Оксана помогала Лизе устроиться, подкладывая под спину свёрнутую куртку. Фёдор с замиранием сердца направился к ним, держа импрови-

зированный букет.

– Оксана, – начал он, чувствуя, как пересыхает горло, настолько по-детски выглядело то, что он сделал, – я подумал... то есть, нашёл... В общем, это тебе. Сердечки из коры. Подарок природы.

Он протянул веточку с насаженными кусочками коры, но держал слишком крепко от волнения. Сухая кора не выдержала и начала крошиться, осыпаясь мелкими частичками прямо на лицо наклонившейся Оксаны.

– Ой! – вырвалось у неё, когда пыль попала в глаза.

– Прости! – Фёдор в ужасе бросил букет и потянулся к её лицу, пытаясь смахнуть крошки. Но неловкими движениями только размазал их по щекам, превратив лицо в пятнистую маску.

Оксана отпрянула, моргая и пытаясь очистить глаза. Даша поспешила на помощь, протягивая флягу с водой.

– Федь, ты как ребёнок, – покачала головой, помогая Оксане умыться.

Профессор с непроницаемым лицом наблюдал за сценой, и только в уголках глаз прятались смешинки. Денис и Илья обменялись понимающими взглядами, но промолчали. Лиза, несмотря на состояние, не сдержала слабую улыбку.

Фёдор стоял красный от смущения, чувствуя себя идиотом. Но он не был бы бывшим начальником уголовного розыска, если бы сдавался после первой неудачи. Отступив, делая вид, что занят другими делами, лихорадочно искал но-

вый способ впечатлить Оксану.

Взгляд упал на дверь, ведущую в гараж или подсобное помещение. Он решительно направился туда и вскоре вернулся, волоча огромную дубовую дверь, снятую с каких-то внутренних помещений.

– Смотрите, что нашёл! – объявил с торжеством, втаскивая трофей в центр комнаты. – Сделаем стол! Не сидеть же на полу. Массив дуба, между прочим. В наши дни за такую целое состояние отдали бы.

Он гордо посмотрел на Оксану, надеясь увидеть восхищение своей находчивостью и силой. Но в этот момент дверь, которую держал вертикально, выскользнула из вспотевших ладоней и с оглушительным грохотом рухнула на мраморный пол. Звук был такой, словно рядом разорвался снаряд. Треск расколовшегося дерева и мрамора разнёсся по особняку, а за стенами испуганно вспорхнула стая птиц с ближайших деревьев.

В наступившей тишине слышалось потрескивание дров в очаге и частое дыхание бывшего полицейского, застывшего над разбитой дверью, словно над трупом противника.

– Фёдор Михайлович, – медленно произнёс профессор, нарушая безмолвие, – позвольте полюбопытствовать, как вы планировали использовать эту дверь в качестве стола? Она без ножек и весит, полагаю, не менее сорока килограммов.

Фёдор открыл рот, потом закрыл, не найдя ответа. Посмотрел на Оксану, изучавшую с непроницаемым выраже-

нием трещины на полу.

– Я думал... можно было бы... – он замолчал, чувствуя себя дураком. – В любом случае, – заключил, пытаясь сохранить достоинство, – теперь у нас дрова на несколько дней.

– Или отличный материал для гроба, – едва слышно про-
бормотал Денис, и Даша легонько ткнула локтем в бок.

Фёдор сделал вид, что не услышал комментария, и начал деловито оттаскивать обломки к стене, изображая, будто именно этого результата добивался. Но гордая осанка и сосредоточенное выражение не скрывали растущего смущения, от которого даже уши покраснели.

За завтраком, делясь скудными запасами, Фёдор молча обдумывал следующий ход. Взгляд блуждал по холлу, и вдруг в углу заметил старинное пианино у стены, укрытое пыльным чехлом.

Дождавшись окончания трапезы, когда все занялись своими делами – Денис с Дашей отправились проверять другие комнаты, Илья с Лизой остались у огня, а профессор погрузился в записи, – Фёдор подошёл к инструменту и сорвал чехол. Облако пыли взметнулось, заставив закашляться, но он продолжил. Открыл крышку и с сомнением коснулся пожелтевших клавиш.

Инструмент был расстроен, клавиши западали, некоторые издавали звуки, похожие на стон замученного животного. Но это не остановило Фёдора. Усевшись на скрипучий стул, начал с силой ударять по клавишам, создавая нечто, по его мне-

нию, напоминающее джаз – резкие, рваные, лишённые мелодии звуки, наполнившие особняк какофонией, от которой мёртвые хозяева перевернулись бы в гробах.

– Это джаз! – гордо объявил, повернувшись и заметив всеобщее изумление. – У меня был друг-музыкант, научил паре приёмов.

Оксана, сидевшая у огня, подпитываемого обломками дубовой двери, смотрела с выражением, которое можно было толковать как угодно – от ужаса до восхищения. Фёдор предпочёл видеть второе и, воодушевлённый, с ещё большим энтузиазмом обрушился на несчастный инструмент.

Пот выступил на лбу от усердия, рубашка прилипла к спине. Он вкладывал в "исполнение" всю душу, всё желание произвести впечатление. Закончив и повернувшись к аудитории, был потрясён – Оксана исчезла. Только Илья, Лиза и профессор остались в холле, и по лицам невозможно было понять их мнение о его таланте.

– Где Оксана? – спросил, пытаясь скрыть разочарование.

– Поднялась наверх, – ответил Илья, избегая взгляда. – Сказала, хочет проверить, нет ли чего-то полезного.

Фёдор кивнул, закрыл крышку и направился к лестнице. Неудачи только укрепляли решимость добиться внимания загадочной женщины. В конце концов, не зря он был лучшим следователем в Яхrome – упорство всегда оставалось его сильной стороной.

На втором этаже было холоднее. Фёдор нашёл Оксану в

хозяйской спальне, разбирающую шкаф в поисках тёплой одежды.

– Тут ещё один камин, – сказал он, указывая на мраморный очаг в углу. – Могу развести огонь. По законам физики тёплый воздух поднимается вверх, так что здесь всегда теплее, чем внизу.

Оксана обернулась, и на миг в её глазах мелькнула благодарность. Воодушевлённый, он, не дожидаясь ответа, приступил к делу. Набрал дров из поленницы возле камина и принялся укладывать их с тем же энтузиазмом, с каким терзал пианино.

Старание привело к перегрузке очага. Когда огонь разгорелся, стало ясно, что дымоход, долгое время не использовавшийся, забит. Дым хлынул в комнату, наполняя пространство едким облаком. Фёдор закашлялся, пытаясь руками разогнать дым, но только усугублял ситуацию. Вскоре лицо и руки покрылись сажей, а вокруг глаз образовались чёрные круги от попыток унять жжение.

– Надо открыть окна! – крикнул сквозь кашель и бросился к замёрзшим рамам. Они не поддавались, и в отчаянии он просто разбил стекло рукояткой ножа.

Холодный воздух ворвался в помещение, смешиваясь с дымом и создавая причудливые вихри. Фёдор стоял в эпицентре хаоса, чёрный от сажи, растрёпанный, с обезумевшим взглядом, напоминая, как позже отметил профессор, «обугленного Пушкина».

Оксана, закрывшая лицо шарфом, смотрела сквозь пелену, и в её глазах плясали живые огоньки, как в камине. Не синые, не мёртвые, как у осонитов, а искрящиеся, настоящие.

– Фёдор, – сказала она, когда дым рассеялся, и он увидел её лицо, – ты неисправим.

В голосе не звучало ни упрёка, ни насмешки. Только констатация факта и... что-то ещё, неразгаданное тем, кому эти слова предназначались. Но эти простые слова наполнили сердце теплом, которого не могли дать никакие каминные.

– Пойдём вниз, – сказала Оксана, направляясь к выходу. – Там теплее.

И она улыбнулась – не широко, не открыто, а едва заметно, уголками губ, как человек, давно разучившийся это делать, но вдруг вспомнивший забытое ощущение.

Фёдор последовал за ней, всё ещё кашляя от дыма, но чувствуя себя победителем. Когда они спускались по лестнице, Денис и Даша, наблюдавшие внизу за клубами дыма из комнаты, обменялись понимающими взглядами.

– Он ей нравится, – шепнула Даша. – Заметил, как смотрит?

– Да, – кивнул Денис. – Только он, кажется, не понимает.

– Мужчины, – вздохнула Даша с притворным разочарованием. – Вечно всё усложняете.

Когда Фёдор с Оксаной присоединились к остальным у огня, профессор окинул следователя критическим взглядом:

– Молодой человек, вы удивительно настойчивы в попыт-

ках разрушить наше пристанище, – сказал он без упрёка. – Сначала дверь, теперь верхний этаж... Что следующее? Крышу обрушите, чтобы лучше видеть звёзды?

Оксана вдруг тихо рассмеялась – первый настоящий смех с момента встречи. Звук был тихим, хриплым, будто она давно разучилась смеяться правильно. Но в холле он прозвучал как музыка – настоящая, не та какофония из пианино.

– Не волнуйтесь, профессор, – сказала она, бросив короткий взгляд на Фёдора. – Я прослежу, чтобы он больше ничего не сломал.

И в том, как она это произнесла, как посмотрела – снизу вверх, с полуулыбкой, прищулив глаза, – было обещание, которое Фёдор не мог облечь в слова, но чувствовал всем существом.

Он сел рядом у огня, не пытаясь произвести впечатление. Просто сидел, греясь, ощущая рядом её присутствие, и в этот момент, несмотря на сумасшедшую историю последних дней, блэкаут, Погашей, осонитов и все опасности чужого мира, был счастлив. По-настоящему, непозволительно счастлив.

Профессор наблюдал, сложив руки на коленях. Морщинки у глаз собрались в сеточку, когда губы дрогнули в улыбке. Он провёл рукой по гладко выбритому подбородку – привычка со времён, когда ещё существовали электробритвы и горячая вода. Сколько историй начиналось на его глазах – и заканчивалось. Но эта была особенной: расцветала среди об-

ломков, как упрямые полевые цветы, пробивающиеся сквозь трещины в асфальте после зимы.

Послеполуденное солнце проникало сквозь высокие окна косыми золотистыми лучами, высвечивая танец пылинок и превращая потёртый ковёр у камина в старинный гобелен. Денис стоял у окна, вглядываясь в заснеженный лес, пытаясь разглядеть завтрашнюю тропу. Его фигура, тёмная на фоне снежного сияния, казалась вырезанной из картона – чёткая, решительная, но хрупкая, как все они в новом мире, где человек стал лишь одним из существ, борющихся за выживание в равнодушной природе.

– Нам всем нужно поговорить, – сказал Денис, отворачиваясь от окна и оглядывая разбредшихся по холлу спутников. – Давайте соберёмся у камина.

В его голосе не звучало приказа, скорее – тихая уверенность человека, берущего ответственность не из желания командовать, а из понимания необходимости. Один за другим они потянулись к очагу, где гудело пламя, питаемое обломками злополучной двери.

Даша присела на край дивана, расстилая на коленях потрёпанную карту, стёршуюся на сгибах. Илья помог Лизе устроиться в кресле, подложив под спину подушку. Девушка уже сидела самостоятельно, но выглядела бледной и истощённой, как после долгой болезни. Синеватый отблеск в глазах проявлялся лишь изредка, словно далёкая зарница, и с каждым часом таял, уступая место естественному блеску.

Фёдор и Оксана устроились на полу плечом к плечу – не касаясь друг друга, но достаточно близко, создавая своё пространство интимности среди общего круга. Профессор, опираясь на трость, подошёл последним, шаги гулко отдавались под высокими потолками. Он опустился в тяжёлое кресло с резными подлокотниками, созданное словно для почтенных старцев, вершащих судьбы домочадцев.

Когда все собрались, Денис встал в центре, сцепив руки за спиной. Пламя отбрасывало на лицо тёплые отблески, смягчая черты, но глаза оставались серьёзными.

– Мы все измотаны, – начал он, обводя взглядом каждого, словно принимая часть общей усталости. – Всем нужен отдых. Но сначала мы должны понять, куда идём и зачем.

Он помолчал, давая словам отозваться в тишине, нарушаемой потрескиванием поленьев. Что-то в его голосе заставило каждого выпрямиться, сосредоточиться.

– Корней в Москве рассказывал, и некоторые уже знают, – его взгляд скользнул по Даше и профессору, – что у Рогачёвского моста, возле Дмитрова, стоит баржа. Она застряла там в первые дни блэкаута. По слухам, на ней часть груза из столицы – еда, одежда, медикаменты. И энергетические карты.

На последних словах взгляды присутствующих стали острее. Каждый знал цену этих карточек – прямоугольников с золотистыми чипами, дающих от пяти минут до суток энергии, способной оживить мёртвые экраны, заставить петь радиоприёмники и запустить генератор, превращая темноту в

подобие прежней жизни. Денис потёр потрёпанную карточку, выменянную на чёрном рынке за последнюю банку тушёнки – настоящую, не подделку с неровными краями и тусклыми чипами, что пытался всучить Нефёндра. Карточка была рабочая. Такие могли быть и на барже.

– И ты веришь, что они настоящие? – спросил профессор, поглаживая бороду жестом, выдающим сомнение. – После подделки от Нефёндра?

Его тон не был насмешливым – в нём, скорее, звучала усталость человека, слишком часто обманутого. Человека, желающего верить, но знающего разницу между желаемым и действительным.

Денис кивнул, признавая обоснованность вопроса.

– Поэтому и идём проверить. Если баржа существует, и на ней что-то осталось, это может изменить всё. Для нас. Для других выживших.

– Я не понимаю, о чём вы говорите, – неожиданно подал голос Илья, хмурясь. – Какая баржа? Первый раз слышу.

Он похлопал по карманам куртки, проверяя, не забыл ли чего-то. Движения стали резкими, нервными, будто мысль о возможном упущении вызывала тревогу.

– В Яхrome никто о барже не говорил, – продолжил он, глядя на Дениса с недоумением. – По крайней мере, мне. Я бы запомнил.

– Семь километров зимой, по лесу, где могут быть бандиты, Погаши и чёрт знает что ещё, – задумчиво произнёс Де-

нис, не слушая его. – Звучит как обычный дневной переход, если всё пойдёт хорошо.

– В феврале световой день короткий, – заметил профессор, вглядываясь в карту. – Выйти нужно на рассвете. Идти придётся быстро, без долгих привалов.

– А Лиза? – тихо спросил Илья, бросив обеспокоенный взгляд. – Она ещё слаба.

Все обернулись к девушке, молчавшей в кресле с отсутствующим видом, словно собирающей по крупичам расколотое сознание. Теперь она выпрямилась, и в глазах, ещё вчера пустых, появился особый блеск решимости.

– Я пойду, – сказала Лиза слабым, но полным жизни голосом. – Я должна идти.

Собравшись с силами, она продолжила увереннее:

– Если всё о карточках – правда, если они существуют и работают... – Глаза расширились от внезапной мысли, и она подалась вперёд. – Тогда можем вернуться сюда. В этот дом. Здесь электропроводка, приборы, отопление. Если карты настоящие, сможем всё запустить. Дом оживёт.

Слова, произнесённые с такой страстью, заставили всех замереть. Воцарилась тишина, нарушаемая потрескиванием огня, будто каждый осмысливал открывшуюся перспективу.

– В доме будут свет, тепло, настоящая еда, – продолжала Лиза, голос крепнул с каждым словом, словно сама мысль придавала энергии. – Можем жить здесь. По-настоящему жить, не выживать. Без страха замёрзнуть во сне или погиб-

нуть за банку тушёнки. Как раньше... только без лжи.

Последние слова она произнесла тише, опутив глаза. Все поняли – о культе Осона, об иллюзиях Нефёндра, о лжи, чуть не стоившей разума и жизни. Илья накрыл её руку своей, и она благодарно сжала пальцы.

– Говоришь, как рекламный буклет, – заметила Даша с мягкой улыбкой, но в её настороженных глазах теперь светилась та же надежда, что у остальных – хрупкая и необходимая, как подснежник после зимы.

Комната наполнилась чем-то неосязаемым, но реальным – ощущением возможностей, которых уже не ждали. Словно окно распахнулось, впусив свежий воздух. Даже усталость после побега из Яхромы немного отступила.

Только профессор смотрел задумчиво, поглаживая бороду. В его взгляде читался не скептицизм, а иная, глубокая мысль.

– Свет – это не дом, – произнёс он, глядя на огонь. – Люди делают дом домом.

Простая фраза прозвучала как откровение. Денис посмотрел на старика с уважением, понимая, что за словами стоит опыт, которого у него самого может не быть никогда.

– Вы правы, профессор, – кивнул он. – Идём не за богатством. За возможностью снова жить как люди. Вместе.

Парень оглядел комнату, задерживаясь на каждом лице, запечатлевая момент единения, хрупкое равновесие надежды и решимости.

– Выходим на рассвете, – сказал он. – А сейчас нужно отдохнуть и подготовиться. Проверьте вещи, одежду, оружие. Никогда не знаешь, что пригодится в дороге.

Остаток дня прошёл в приготовлениях. Денис с Дашей проверяли рюкзаки, считали консервы, делили на порции – часть взять, часть оставить на случай спешного возвращения. Илья разложил найденную верёвку, проверяя прочность – пригодится для переправы через ручьи, связывания узлов и тысячи вещей, о которых в прежней жизни не задумался бы. Лиза отдыхала у камина, иногда задрёмывая спокойным, естественным сном, не похожим на жуткий транс храма осонитов.

Профессор делал пометки в потрёпанном блокноте, временами поднимая голову, глядя в окно, словно что-то подсчитывал. Оксана нашла на втором этаже иголку с ниткой и штопала порванную куртку Фёдора, повредившего рукав при разбивании окна.

Солнце клонилось к закату, окрашивая снег в розоватые тона. Зимний день был скуп на свет, как новый мир – на радости. Денис, закончив с рюкзаками, отправился проверить входы. Ночь несла опасность – не только холод, но и существ, приходящих с темнотой. За время блэкаута все научились бояться ночи сильнее, чем в детстве.

Вернувшись в зал, Денис обнаружил Фёдора за странным занятием. Бывший полицейский, пыхтя и ругаясь, тащил из соседней комнаты массивный шкаф, явно тяжелее его само-

го. Ножки скрипели по мрамору, оставляя царапины, но Фёдор, сосредоточенный на задаче, не замечал.

– Что делаешь? – спросил Денис с недоумением.

– Баррикадирую вход, – выдохнул следователь, продолжая толкать мебель. – На ночь. Мало ли кто... придёт.

Денис хотел возразить, что входы проверены и двери на засовах, но не стал спорить. У каждого свои способы справляться со страхом, и, если Фёдору помогало двигать мебель – пусть.

К моменту установки шкафа поперёк входной двери все собрались у огня. Фёдор, вспотевший и раскрасневшийся, выпрямился с видом человека, выполнившего важную миссию.

– Вот, – сказал он, отряхивая руки. – Теперь мы в безопасности.

– Уверен? – спросила Даша с сомнением, разглядывая творение. – Нельзя просто запереть дверь?

– Это не просто физическая защита, – ответил Фёдор с неожиданной серьёзностью. – Это психологический барьер. Когда злоумышленник сталкивается с таким препятствием, он переоценивает шансы. Даже если может преодолеть физически, на подсознательном уровне возникает сомнение, страх перед неизвестностью. Что ждёт за шкафом? Какие ловушки? Кто охраняет место? Базовая психология преступника. Изучал в академии.

Он говорил с таким самозабвением, так увлечённо жести-

кулировал, что никто не решился перебить. На лицах присутствующих появились улыбки – сначала неуверенные, затем явные. Фёдор, увлечённый лекцией, не замечал.

– А ещё, – продолжил он, указывая на ножки, – я расположил под таким углом, что попытка сдвинуть вызовет громкий скрип. Естественный сигнал тревоги, понимаете? Даже во сне услышим. У нас будет семь-восемь секунд для реакции. Этого достаточно, чтобы...

– Чтобы духи испугались и убежали в лес, – внезапно закончила Оксана, с едва сдерживаемым смехом.

Фёдор замер, удивлённо глядя на неё. Оксана улыбалась – по-настоящему, широко, открыто, как давно не улыбалась. Улыбка преобразила лицо, стерла следы усталости и пережитого кошмара, вернула молодость и красоту, делая шрам почти незаметным. Фёдор смотрел, забыв свою речь, на лице проступала ответная улыбка – неуверенная, недоумевающая, но искренняя.

Илья фыркнул первым. За ним тихо засмеялась Лиза, прикрывая рот. Даша уже не сдерживалась, её смех звенел заразительно. Даже профессор позволил себе сдержанное хмыканье, похожее на кашель, но с ноткой веселья.

Фёдор, осознав всеобщее веселье, сначала нахмурился, но затем губы дрогнули, и он сам расхохотался – глубоким, раскатистым смехом, в котором было больше облегчения, чем обиды. Он смеялся над собой, над серьёзностью, над шкафом, который остался стоять – молчаливым стражем убежи-

ща.

Смех наполнил холл особняка – настоящий, искренний, без натянутости. Отражался от высоких потолков, заполнял пустоту комнат, слишком долго стоявших безмолвными, пробуждал эхо прежних праздников. В этом смехе было всё – горечь пережитого, надежда на будущее, человеческое тепло, которого так не хватало после блэкаута.

Фёдор встретился взглядом с Оксаной, и между ними что-то промелькнуло – искра понимания, признания, обещания. Она благодарно кивнула, и он ответил так же, словно заключили негласный договор.

Постепенно смех утих, оставив лёгкую, умиротворённую тишину. Камин потрескивал, отбрасывая блики на стены. За окнами царила ночь, но не такая угрожающая, как обычно.

Дом, утром бывший просто заброшенным особняком, стал чем-то большим. Временным пристанищем. Возможным будущим жилищем. Местом, где впервые за долгое время прозвучал настоящий смех – первый признак того, что, несмотря на тьму, холод и опасности, жизнь продолжается. Впервые за долгое время появился шанс не просто выжить, а жить по-настоящему.

В эту ночь они уснули под треск огня, думая о барже у Рогачёвского моста. О том, что могло ждать там. О свете, который, возможно, существовал где-то в этом тёмном мире. Каждый знал, что утром предстоит трудный путь, полный опасностей. Но сейчас, в тепле и безопасности, под защитой

нелепого шкафа у двери, они позволили себе роскошь надежды – самого опасного и необходимого чувства после катастрофы.

Глава 2

Ночь укрыла особняк чёрным бархатом тишины. Камин догорал, угли подмигивали из пепла глазами дремлющего зверя. Семь человек спали, сливаясь с тенями, связанные общей судьбой и только что родившейся надеждой. Дыхание смешивалось с потрескиванием углей, создавая ритм ночного покоя, кажущийся вечным – пока не разорвётся внезапно и безжалостно.

Фёдор спал чутко, как положено бывшему полицейскому: одна рука под щекой, другая – на рукояти ножа. Рядом, завернувшись в найденное одеяло, дремала Оксана. Тело её выгнулось полумесяцем, защищая шрам от символа Осона на шее. Денис и Даша спали переплетясь, боясь потерять друг друга даже во сне. Профессор Самолётов дремал в кресле над блокнотом. Его очки сползли на кончик носа, а пальцы всё ещё сжимали огрызок карандаша. Лиза, бледная, но с розовеющими щеками, лежала на диване, и только голова покоилась на коленях Ильи, который даже в забытии не выпускал её руки.

Единственным стражем был нелепый шкаф, притащенный Фёдором к входной двери – массивный монстр красного дерева, застывший в позе часового. Дом временами вздыхал: скрипели половицы, на втором этаже хлопала рама, снег шуршал по стеклу, оставляя мокрые дорожки, как слёзы на

морщинистом лице.

Первым звуком, нарушившим сонную гармонию, стал скрежет – не громче натягиваемой струны. Когда массивные ножки шкафа процарапали линию на мраморном полу, Фёдор открыл глаза. Тело напряглось, рука сжала рукоять ножа, но он не пошевелился, вслушиваясь. И вот снова – скрежет, чуть громче, настойчивее, будто что-то пыталось проникнуть внутрь.

Бывший полицейский сел без звука. Взгляд метнулся к двери – шкаф стоял на месте, но чуть накренился под давлением снаружи. Фёдор коснулся плеча Оксаны. Глаза женщины открылись мгновенно, без дымки сна – тело, привыкшее к опасности, отреагировало быстрее мысли.

– Кто-то у двери, – одними губами произнёс он.

В этот момент раздался оглушительный треск – входная дверь содрогнулась под ударом, шкаф накренился сильнее, но держался, ножки прочертили борозды на мраморе. Звук, подобный выстрелу, разорвал тишину, и все вздрогнули, пробуждаясь в состоянии мгновенной готовности.

– Что происходит? – Денис уже стоял, Даша рядом, нащупывала в темноте кочергу.

Новый удар обрушился на дверь, шкаф сдвинулся на полметра. В щель просунулась металлическая труба, орудовавшая снаружи как таран. Ещё удар – и преграда с грохотом завалилась, открывая проход.

В проёме возникли тёмные силуэты – сначала один, затем

ещё, вливаясь в холл подобно чёрной воде, прорвавшей плотину. Оконные рамы по обе стороны разлетелись вдребезги – там тоже проникали фигуры в тёмных одеждах.

– К оружию! – крикнул Фёдор, бросаясь к ближайшему нападавшему.

В тусклом свете догорающего камина блеснуло лезвие – тёмный силуэт замахнулся на Дениса, но Даша опередила, с размаху опустив кочергу на руку с ножом. Раздался хруст и вопль боли.

– Найдите их! – голос от входа был хриплым, надтреснутым, но знакомым. – Приведите ко мне девушку!

Нефёндр шагнул из темноты в слабый свет, и все, видевшие его в Яхроме, ужаснулись перемене. Лицо, прежде гладко выбритое и излучающее ложную благодать, теперь напминало восковую маску на черепе. Глаза запали, но в них ярко горел синий огонь, исходящий изнутри. Кожа на висках и шее покрылась сетью тёмных вен, пульсирующих в такт сердцебиению. Но жутче всего было выражение – не гнев, не злоба, а голодное, нечеловеческое вожеление.

– Взять их всех! – приказал Нефёндр голосом, резонирующим странно, словно говорили несколько существ одновременно. – Сперва девчонку, потом остальных!

Холл наполнился хаосом борьбы. Фёдор с хладнокровием профессионала сбил с ног первого противника и схватился со вторым. Оксана скользила между нападающими, нож находил самые уязвимые места – не убивая, но выводя из

строю. Профессор, невероятно проворный для своего возраста, орудовал тростью словно шпагой, отбиваясь от двоих осонитов.

Денис и Даша оттеснили троих к камину, вооружившись обломками стола. Девушка извернулась, схватила горсть раскалённых углей и швырнула в лицо ближайшему культисту. Тот закричал, схватившись за обожжённые глаза, и отступил, врезавшись в товарища.

– Илья! – крикнул Денис через плечо. – Уводи Лизу!

Тот тащил подругу к задней части холла, где вспомнил о двери в подвал. Девушка была в сознании. Глаза расширились от ужаса, но она передвигалась сама, крепко держась за руку спутника.

Нефёндр заметил манёвр. Лицо исказилось гримасой ярости, и он ринулся через холл, расшвыривая дерущихся с нечеловеческой силой.

– Не дайте им уйти! Она моя! Она принадлежит Осону!

Один из культистов схватил Дашу за волосы, отбросив к стене. Она вскрикнула от боли, но перекатилась, избежав удара тяжёлого ботинка. Денис бросился на помощь, ударив нападавшего ножкой от стула.

– Нас слишком мало! – крикнул Фёдор, оттесняемый к центру комнаты. Кровь стекала по виску из рассечённой брови, но в глазах горела боевая ярость. – Отступаем к подвалу!

Группа начала отходить, прикрывая друг друга. Профессор споткнулся, двое осонитов готовы были наброситься, но

Оксана метнулась между ними, описав ножом смертоносную дугу. Оба отпрянули, давая учёному время подняться.

– Быстрее! – Илья добрался до двери в подвал, массивной железной преграды, будто бы оставшейся со времён холодной войны, когда богатые строили бункеры на случай ядерной атаки. Он толкнул створку, и та подалась с тяжёлым скрежетом.

Они отступали шаг за шагом, отбиваясь от наседавших осонитов. Нефёндр обезумел – глаза полыхали синим огнём, а изо рта вырывался не то хрип, не то рычание, совершенно нечеловеческое.

– Она моя! Осон требует её! Без неё не будет света!

Лиза, слыша эти слова, вздрогнула и прижалась к Илье. Взгляд на мгновение вспыхнул синим – слабый отголосок того, что было с ней в храме.

– Я не твоя, – прошептала она, и, хотя голос был слабым, в нём звучала стальная решимость. – Я никогда не была твоей.

Нефёндр взвыл и бросился вперёд с нечеловеческой скоростью, отшвырнув с пути Фёдора и Оксану. Руки, сделавшиеся похожими на когтистые лапы, тянулись к Лизе. В последний момент профессор опустил трость под ноги фанатика, и тот врезался в стену, оставив вмятину, словно был из металла, а не из плоти.

– Внутрь! – скомандовал Денис, когда группа достигла открытой двери в подвал.

В этот момент что-то изменилось. Сквозь выбитые окна

и дверь в особняк проникал не только ледяной воздух ночного леса, но и странный звук – тихий, на грани слышимости, от которого волосы вставали дыбом. Не вой, не скрежет, а что-то среднее – песня мертвеца через сломанную радиостанцию.

Нефёндр замер. Его лицо застыло в гримасе ужаса и узнавания. Осониты тоже остановились, а некоторые начали пятиться к выходам, через которые только что ворвались.

– Нет, – прошептал лидер культа, и впервые в голосе звучал чистый, человеческий страх. – Только не они...

Бледная рука с удлинёнными пальцами протянулась из темноты разбитого окна, вцепившись в горло ближайшего осонита. Тот не успел вскрикнуть – тело обмякло мгновенно, словно из него выкачали всю жизнь. В проёме появилось существо, при виде которого кровь стыла в жилах.

Погаш. Высокая, тощая фигура с неестественно удлинёнными конечностями. Кожа бледная, почти прозрачная, с просвечивающими голубоватыми венами. Голова – лысый купол с едва намеченными чертами лица, кроме глаз – больших, пустых, словно два чёрных провала в никуда. И рот – безгубый, растянутый в вечной гримасе немого крика.

– Погаши! – выдохнул Денис, отступая в дверной проём. – Скорее внутрь!

Следом за первым существом в холл хлынули другие – через окна, двери, через любые отверстия, словно текучая масса кошмаров в подобии человеческих тел. Их было не мень-

ше дюжины, все двигались с гипнотической грацией, словно марионетки на невидимых нитях.

Осониты бросились врассыпную. Один закричал, когда длинные пальцы погаша сомкнулись на шее, но крик оборвался, не успев родиться. Тело упало безжизненной куклой – силы были высосаны за секунды.

Нефёндр не бежал. Он застыл посреди холла, глаза полыхали синим, руки вытянулись в стороны, словно удерживая нечто невидимое.

– Отродья тьмы! – прорычал фанатик, и синее свечение вокруг усилилось, образуя подобие ауры. – Вы не получите то, что принадлежит Осону!

Ближайший погаш замедлил движение, словно натолкнувшись на преграду, но остальные продолжали наступать, окружая Нефёндра.

– Уходим! – Фёдор схватил Дениса за плечо, втаскивая в подвал. – Сейчас же!

Они отступили за железную дверь, затем мужчины навалились, закрывая её. Последнее, что они увидели перед тем, как массивная преграда отрезала их от хаоса наверху, был Нефёндр, окружённый погашами. Его аура мерцала всё слабее, а мёртвые глаза существ светились голодным вожделем.

Дверь закрылась с гулким лязгом. Фёдор опустил тяжёлый засов, древний, но надёжный. Беглецы оказались в темноте.

– У кого-нибудь есть чем посветить? – спросил Денис, и

голос звучал неестественно громко в замкнутом пространстве.

Щелчок – и слабый свет от маленькой свечи, которую Илья носил как талисман прошлой жизни, осветил их лица. Все были здесь – Денис и Даша, профессор, тяжело дышащий, но невредимый, Илья, обнимающий дрожащую Лизу, Фёдор с кровоточащей бровью и Оксана, чей шрам на шее пульсировал болезненно-красным.

– Что за чертовщина там происходит? – прошептала Даша, обнимая себя руками, пытаясь согреться.

– Борьба за энергию, – ответил профессор, опускаясь на ступеньку. – Погаши питаются жизненной силой. Нефёндр и его культ каким-то образом научились использовать этот же источник, но по-другому. Две хищные силы столкнулись за право на добычу.

– А мы – мыши, спрятавшиеся в норе, – мрачно заметил Фёдор, проверяя прочность засова.

Сверху доносились звуки борьбы – не крики (погаши убивали беззвучно), а скорее грохот опрокидываемой мебели, треск ломаемых костей, удары тел о стены. Иногда раздавался странный электрический треск, словно где-то коротило проводку – похоже, это Нефёндр использовал свои силы. Временами слышался нечеловеческий вой – то ли погаш, получивший отпор, то ли душа осонита, покидающая тело.

– Что мы будем делать? – спросила Оксана, прислушиваясь к звукам наверху. – Если они прорвутся сюда...

– Эта дверь выдержит, – уверенно сказал Илья, осветив её фонариком. – Такие ставили в убежищах гражданской обороны. Металл толщиной в руку.

Внезапно что-то с силой ударилось о дверь с другой стороны – один удар, второй, третий. Все вздрогнули. На мгновение показалось, что даже такая сталь не удержит натиска.

– Спускаемся ниже, – решил Денис, указывая на лестницу, уходящую во тьму. – Нужно проверить, есть ли другой выход.

Группа начала спускаться, освещая путь тусклым светом. Лестница была бетонной, с металлическими перилами, явно построенной с запасом прочности. Спустившись на двадцать ступеней, они оказались в просторном помещении с низким потолком. Фонарик выхватил из темноты стеллажи с консервами, бутылками воды, ящиками.

– Продуктовый склад, – пробормотал Фёдор, осматриваясь. – Кто-то хорошо подготовился к концу света.

– И довольно точно его предсказал, – добавил профессор, изучая даты на консервах. – Эти запасы сделаны за три месяца до блэкаута.

Даша, отойдя в дальний угол, вдруг позвала:

– Здесь дверь! И за ней... ещё помещение!

Свет керосиновой лампы выхватил из темноты массивную стальную дверь с круглым колесом запорного механизма, как на подводной лодке. Фёдор, как самый сильный, навалился на колесо, и оно подалось с протестующим скрипом.

За дверью обнаружилась комната поменьше, обставленная как жилое помещение – несколько раскладных коек, стол, стулья, даже книжная полка с потрёпанными томиками.

– Убежище, – выдохнул Илья. – Настоящее бомбоубежище.

– Теперь понятно, почему дом такой странный, – кивнул профессор. – Он строился вокруг этого бункера. Вероятно, владелец был из параноиков, готовившихся к ядерной войне или глобальной катастрофе.

– Что ж, катастрофа действительно случилась, – мрачно заметил Денис. – Хотя и не совсем такая, как ожидалось.

Группа заперла дверь бомбоубежища и устроилась кто где – на койках, стульях, прямо на полу. Илья уложил Лизу на одну из коек, укрыв найденным одеялом. Фёдор и Оксана сели спиной к стене, плечом к плечу, готовые вскочить в любой момент. Даша прижалась к Денису: её тело подрагивало от пережитого стресса. Профессор опустил на стул, достал блокнот и что-то быстро записал в желтоватом свете керосиновой лампы.

– Прикрути фитиль, – попросил Фёдор, кивая на огонь. – Керосин нужно экономить.

Илья подчинился, и комната погрузилась в полумрак, освещаемый лишь тусклым пламенем. Только теперь все почувствовали, насколько вымотаны – адреналин схлынул, оставив свинцовую усталость. Но спать не мог никто. Бегле-

цы напряжённно вслушивались в звуки сверху – приглушённые расстоянием и бетоном, но различные.

Грохот, удары, что-то тяжёлое рухнуло, заставив пыль посыпаться с потолка. Затем крик – протяжный, полный такой боли и ужаса, что кровь стыла в жилах. Звук, который не мог издать человек – слишком высокий, слишком пронзительный, словно само мироздание вопило от муки.

– Это не Нефёндр, – прошептала Лиза, лицо которой казалось восковым в слабом свете. – Так кричат погаши, когда умирают.

Новый крик, ещё страшнее предыдущего, а затем тишина – абсолютная, давящая на барабанные перепонки. Словно мир наверху перестал существовать.

Никто не произнёс ни слова. В полутьме убежища слышалось только дыхание – частое, неровное – и глухие удары сердец в едином ритме первобытного страха.

Час проходил за часом. Наверху больше не раздавалось ни звука – ни шагов, ни криков, ни борьбы. Только иногда что-то поскрипывало – может, половица под весом бесшумно перемещающегося погаша, может, рама окна, раскачиваемая зимним ветром.

– Как думаете, они ушли? – шёпотом спросила Даша, когда тишина стала невыносимой.

– Возможно, – так же тихо ответил профессор, черты лица которого заострились в дрожащем пламени. – Погаши не остаются долго на одном месте. Они кочуют, следуя за ис-

точниками энергии. Если закончили с осонитами, им незачем задерживаться.

– А если они почувствуют нас? – голос Оксаны был спокойным, но в нём слышалась готовность к худшему.

– Этот бункер должен быть экранирован, – сказал Илья. – Если хозяин строил его для защиты от радиации, значит, стены содержат свинец или другой изолирующий материал. Наша энергия не должна просачиваться наружу.

– Нам нужно дождаться рассвета, – решил Денис. – Погаси не выносят солнечный свет. Как только взойдёт солнце, сможем проверить, безопасно ли наверху.

На этом разговор прервался, и все погрузились в выжидающее молчание. Каждый был наедине с мыслями, страхами, надеждой на рассвет, казавшийся таким далёким.

В какой-то момент Лиза тихо заплакала – не от боли или страха, а от осознания, что чудом избежала второй встречи с Нефёндром и его культом. Илья обнял девушку, шепча слова утешения, которых никто не слышал, кроме неё.

Постепенно усталость взяла своё. Один за другим все проваливались в беспокойный сон, полный кошмаров – синие глаза Нефёндра, бледные пальцы погашей, холодная сталь двери, отделяющей от хаоса наверху. Пламя лампы медленно угасало, отбрасывая на стены причудливые тени.

Рассвет крался в подвальное окошко бледно-серым светом, словно боясь разбудить спящих. Семь человек в тесном пространстве бункера выглядели как осколки прежнего ми-

ра – хрупкие, разрозненные, но не утратившие формы.

Первым проснулся Денис, почувствовав, как утренний холод заползает под одеяло. Взгляд метнулся к железной двери, отделявшей от того, что осталось наверху. Ночные крики погашей и осонитов давно стихли, сменившись гнетущей тишиной, пугавшей сильнее любого шума.

– Кажется, рассвело, – прошептал он, коснувшись плеча Даши, спавшей прижавшись к боку.

Девушка открыла глаза – без сонной поволоки, без медленного возвращения в реальность. Блэкаут научил просыпаться мгновенно, как животных, чей сон всегда готов прерваться при малейшей угрозе.

Постепенно пробудились и остальные. Фёдор, казалось, вообще не спавший, лишь выпрямился, разминая шею. Оксана поднялась одним движением, проверяя нож на поясе. Профессор, сидевший в углу, снял очки, протёр краем свитера и водрузил обратно на нос, будто этот ежедневный ритуал был последним оплотом нормальности в рушащемся мире. Илья осторожно разбудил Лизу, во сне выглядевшую почти здоровой – румянец вернулся на щёки, а синеватое свечение в глазах, когда она их открыла, почти исчезло.

Керосиновая лампа давно потухла, но утренний свет, проникавший через маленькое окошко под потолком, позволял различать лица и предметы.

– Пора проверить, что там наверху, – сказал Денис, поднимаясь на ноги. – Если погашаи ушли с рассветом, нужно

узнать, что осталось от дома.

Фёдор кивнул и подошёл к массивной двери бункера.

– Я пойду первым, – сказал бывший полицейский, доставая нож. – Оксана и Денис за мной. Остальные ждут здесь, пока не дам сигнал, что всё чисто.

Никто не возразил. В мире, где любая ошибка может стоить жизни, порядок устанавливается сам собой: впереди идёт тот, кто лучше всех умеет убивать.

Фёдор повернул колесо запорного механизма. Тяжёлая дверь открылась с тягучим скрипом, словно жалуясь на бремя службы. За ней лежала темнота подвала, едва разбавленная серым светом, струящимся с верхних ступеней.

Воздух пах плесенью, сыростью и чем-то металлически-приторным – сладким запахом крови, который группа слишком хорошо знала.

Беглецы поднимались по лестнице осторожно, обходя скрипучие ступени, запомненные с вечера. Фёдор двигался с плавностью хищника, держа нож перед собой. Оксана скользила следом как тень, привыкшие к темноте глаза высматривали малейшее движение. Денис замыкал троицу, сжимая ножку от сломанного стула – не самое грозное оружие, но лучше пустых рук.

Железная дверь на верхнем этаже оставалась закрытой изнутри – хороший знак. Если бы погаши или осониты прорвались в подвал, непременно нашли бы способ открыть её. Фёдор осторожно сдвинул засов, взялся за ручку и перегля-

нулся с товарищами – в его взгляде читалась общая мысль: что ждёт за порогом?

Мужчина резко распахнул дверь, сразу отступив в сторону на случай атаки. Никто не бросился навстречу. В холле особняка царила тишина, нарушаемая только скрипом оконных рам от утреннего ветра. В бледном свете, проникающем сквозь разбитые окна, открылась картина вчерашнего побоища.

Кровь была повсюду. На стенах – брызгами и потёками, на полу – лужами, впитавшимися в дорогие ковры, на мебели – отпечатками ладоней и тел. Утренние лучи, пронзая окна, высвечивали каждую деталь с безжалостной ясностью. Кровавые разводы напоминали творения безумного художника – мозг пытался распознать узоры, но в ужасе отшатывался от собственных догадок.

Осониты, вчера такие страшные в своей фанатичности, теперь лежали как брошенные куклы. Некоторые – почти целые, с застывшим ужасом на лицах. Другие – истерзанные до неузнаваемости, с вывернутыми конечностями и разорванной плотью. Третьи – иссушенные, будто из них выпили все соки, оставив лишь кожу на костях.

– Боже, – прошептала Оксана, прикрывая лицо. – Что здесь произошло?

– Война видов, – ответил Денис, осторожно шагая между телами, избегая луж крови. – Погаши против осонитов. Судя по всему, погаши победили.

Фёдор присел возле тела с вырванной из бедра плотью. Коснувшись края раны, растёр между пальцами запёкшуюся кровь.

– Странно, – пробормотал он. – Я думал, погаши только высасывают энергию, но эти явно питались. Смотри, – указал на следы зубов, – они отрывали куски плоти.

Денис отвернулся, сдерживая тошноту.

– Значит, эволюционируют, – прошептал юноша. – Или голодают настолько, что обычной энергии уже мало.

Группа продвигалась через разгромленный холл, настороженно оглядываясь. Дом казался пустым – даже птицы молчали за окнами, словно боясь нарушить тишину братской могилы, в которую превратился особняк.

– Тут чисто, – наконец сказал Фёдор, дойдя до противоположной стены. – Сейчас проверим остальные комнаты, потом позовём остальных.

Но начать проверку не успели. Оксана, отделившаяся осмотреть боковой коридор, вдруг вскрикнула от неожиданности. Крик тут же превратился в сдавленный хрип.

Мужчины бросились на звук и замерли от увиденного.

Нефёндр стоял в дверном проёме. Живой. Пальцы впились в горло прижатой к стене Оксаны. Лезвие ножа блеснуло у её шеи, когда культист чуть повернул руку. Лицо захватчика было залито кровью, один глаз заплыл, сквозь разорванную рубаху виднелись глубокие раны. Но страшнее был взгляд – пустой, холодный, с тем же синим отблеском, что

видели у него в храме.

– Ещё шаг, и перережу ей горло, – прохрипел Нефёндра. – Бросьте оружие. Сейчас же.

Фёдор замер, глаза сузились, рассчитывая расстояние и шансы. Денис остановился, медленно опуская импровизированную дубинку на пол. Оксана не дрожала, взгляд оставался спокойным, только пальцы слегка подрагивали, готовые превратиться в когти.

– Отпусти её, Нефёндра, – сказал Денис ровным голосом, словно с капризным ребёнком. – Тебе некуда бежать. Твои люди мертвы. Всё кончено.

Захватчик рассмеялся скрежещущим, надломленным смехом человека на грани безумия.

– Ничего не кончено, дурак, – процедил сквозь зубы. – Всё только начинается. Осон жив во мне. Я чувствую его силу. Он говорит со мной...

Пальцы на горле Оксаны сжались сильнее, девушка тихо охнула от боли. Острые стекла уже прокололо кожу, тонкая струйка крови побежала по шее, смешиваясь со старым шрамом.

– Она была моей невестой, – продолжил Нефёндра отстранённо, будто разговаривая сам с собой. – Предала Осона. Предала меня. За предательство – смерть. Так говорит Осон.

Глаза культиста внезапно расширились. Сбоку мелькнула тень. Кулак Фёдора врезался в висок фанатика с глухим треском. Колени Нефёндры подогнулись, тело обмякло и рухнуло

на пол как тряпичная кукла. Оксана, почувствовав ослабевшую хватку, вырвалась и отпрыгнула, хватая ртом воздух.

Фёдор стоял над поверженным врагом, потирая костяшки. Лицо оставалось неподвижным, только в глазах мелькнуло что-то первобытное, хищное – и тут же исчезло.

Денис моргнул, не понимая, как товарищ оказался там, если только что стоял рядом. И лишь через секунду осознал – пока они отвлекали внимание Нефёндра, Фёдор незаметно обошёл их по дуге через соседнюю комнату, зайдя культисту за спину.

– Ты в порядке? – спросил Фёдор, подойдя к Оксане. Бережно коснулся её шеи, осматривая рану от стекла.

– В порядке, – выдохнула она, глядя на Фёдора с выражением внезапного узнавания. – Не могу поверить, что Нефёндр выжил после погашей...

Денис смотрел на бессознательное тело культиста, на запёкшуюся кровь, синяки и раны. Обычный человек. Хрупкий. Сломанный. Ничего сверхъестественного. Молодой человек покачал головой и тихо произнёс:

– Просто повезло ему. Спрятался где-то, когда погаши напали. Или притворился мёртвым. – Вздохнул, потирая переносицу. – Ладно, неважно. Что будем с ним делать?

Фёдор, поддерживая Оксану за плечи, обернулся:

– Связать и запереть в подвале. В отдельной комнате, не там, где мы ночевали. Потом решим его судьбу. Сейчас нужно позвать остальных и... – осмотрелся, – прибраться здесь.

Беглецы оттащили бессознательного пленника вниз, в подвал, и заперли в маленькой технической комнате рядом с бункером, связав найденной верёвкой. Уже наверху, когда остальные тоже поднялись и увидели масштаб разрушения, группа собралась в уцелевшем углу гостиной для обсуждения дальнейших действий.

– Нам нужно убрать тела, – сказал Денис, указывая на очевидное. – Иначе запах привлечёт диких животных. И, возможно, не только их.

– В лесу, за домом, есть овраг, – ответил Фёдор. – Мы с Денисом перенесём тела туда. Илья и профессор могли бы собрать сломанную мебель для костра – понадобится огонь.

– А мы займёмся уборкой, – кивнула Даша, переглянувшись с Оксаной и Лизой. – Кровь нужно смыть. Как можно скорее.

В её голосе не слышалось брезгливости – только практичность женщины, знающей, что некоторые пятна, если не отмыть вовремя, останутся навсегда.

Группа разделилась и приступила к работе. Денис и Фёдор, обернув нижнюю часть лица тряпками, таскали тела осонитов к оврагу. Работа тяготила не только физически – каждое прикосновение к обескровленным телам вызывало почти суеверный ужас. Тела казались одновременно лёгкими, будто высушенными изнутри, и странно тяжёлыми, словно налитыми свинцом.

Денис заметил особенность – у всех погибших глаза оста-

вались открытыми, с застывшим выражением не страха, не боли, а потрясённого понимания, будто в последний момент они увидели нечто невероятное, выходящее за рамки человеческого.

А, может, так и было, думал юноша, сбрасывая очередное тело в овраг. Может, напоследок они увидели истинное лицо своего бога – не благодатного Осона, а прожорливого паразита, питающегося их жизнями.

В особняке Илья и профессор собирали обломки мебели. Разбитые стулья, треснувший стол, упавшие полки – всё отправлялось в кучу во дворе для будущего костра. Илья работал молча, с напряжённым лицом, будто сдерживая эмоции. Профессор, напротив, негромко бормотал себе под нос, иногда записывая что-то в блокнот.

Оксана, Даша и Лиза, вооружившись тряпками и вёдрами с водой из цистерны в бункере, отмывали кровь со стен и пола. Работа шла монотонно и изматывающе – кровь въелась в дерево и камень, застыла бурой коркой, упорно сопротивляясь попыткам очистить дом. Но женщины не отступали, словно в этом физическом действии находили способ изгнать из памяти ночные кошмары.

Денис, вернувшись с очередным телом к оврагу, заметил странность. Земля на краю была разрыта, словно недавно копали. Присмотревшись, увидел край полиэтиленового пакета, выглядывающий из-под листвы. Осторожно потянув за него, извлёк содержимое тайника.

Консервы. Десятки банок тушёнки, сгущёнки, овощных заготовок. Сушёные продукты в герметичных упаковках. Мешочки с крупами. Всё аккуратно сложено в пластиковые пакеты и закопано неглубоко, явно для временного хранения.

– Федя! – позвал Денис, не сдерживая возбуждения. – Иди сюда! Смотри, что нашёл!

Полицейский, тащивший очередное тело, бросил ношу и подбежал. Увидев находку, присвистнул:

– Тайник осонитов? Или хозяев дома?

– Не знаю, – ответил Денис, перебирая упаковки. – Но это настоящее богатство. С таким запасом можно прожить несколько недель. Может, месяц.

– Нужно сказать остальным, – решил старший товарищ. – И спрятать в надёжном месте внутри дома.

Находку отнесли в особняк, и впервые за много дней лица спутников осветились искренними улыбками. Даже измученная Лиза, двигавшаяся до этого как сомнамбула, подошла к куче припасов и с детским восторгом взяла в руки банку сгущёнки.

– Я не ела её с начала блэкаута, – прошептала девушка, и в глазах блеснули слёзы – не от горя, а от нахлынувших воспоминаний о прежней жизни, мире, где такие простые радости были ежедневно доступны.

Находка придала всем новых сил. Работа закипела с удвоенной энергией. К вечеру холл особняка почти полностью

очистился от следов ночного кошмара. Тела исчезли в овраге, кровь, хоть и не полностью, но в основном отмылась со стен и пола. Уцелевшую мебель расставили, создавая иллюзию обжитого пространства. В центре комнаты теперь стояла импровизированная печь, которую Фёдор и Илья соорудили из металлического бака, найденного в подвале, и обломков труб.

Женщины колдовали над первым настоящим ужином за долгое время. В большой кастрюле, установленной на печи, варилась каша с тушёнкой – простое блюдо с ароматом, от которого у всех текли слюнки. Лиза, впервые проявив инициативу, нашла в саду несколько веточек укропа, каким-то чудом пережившего зиму под снегом и завалами, и теперь измельчала зелень для каши.

– Как думаете, сможем задержаться здесь? – спросил Денис, наблюдая за приготовлениями. – Дом крепкий, еды теперь хватит. Могли бы перезимовать...

– А что с Нефёндром? – тихо спросила Оксана, помещив кашу. – Он придёт в себя. Что будем с ним делать?

Вопрос повис в воздухе, нарушив ненадолго воцарившуюся идиллию. Но Фёдор, занятый установкой металлической трубы для отвода дыма, ответил, не оборачиваясь:

– Допросим его. Узнаем, что знает об Осоне, о погашах. А потом решим.

В голосе звучала спокойная уверенность человека, много раз принимавшего тяжёлые решения и готового принять их

снова. Денис заметил, как Оксана бросила на бывшего полицейского особый взгляд – смесь благодарности, восхищения и чего-то более глубокого, для чего у юноши не нашлось названия.

– Давайте не будем думать об этом сейчас, – предложила Даша, доставая из найденного шкафа пыльные, но целые тарелки. – У нас есть крыша, еда, относительная безопасность. И мы все живы. По нынешним временам – уже праздник.

– Действительно, – согласилась Лиза, и её улыбка, хоть усталая, но искренняя, на миг вернула прежнюю красоту, которая, казалось, исчезла навсегда в храме осонитов. – Давайте праздновать жизнь. Потому что это единственное, что точно есть.

Профессор, молчавший до этого, вдруг поднял глаза от блокнота:

– Я бы даже сказал, что это единственное, что имеет смысл, – произнёс с неожиданной философской глубиной. – Праздновать жизнь. Особенно когда вокруг столько смерти.

И они сели вокруг самодельной печки с дымящейся кастрюлей настоящей еды, в очищенном от кошмаров доме, под крышей, защищавшей от снега и ветра. Семь человек, чудом выживших в мире, ставшем чужим и опасным. Семь осколков прежней жизни, пытающихся сложиться в новую картину – не такую яркую и красивую, как прежняя, но всё же цельную, способную защитить от холода и тьмы.

А внизу, в подвале, в маленькой технической комнате,

Нефёндр открыл глаза. Синий огонь в них разгорался ярче, а губы шевелились, беззвучно шепча.

Ужин собрал всех в главном зале у камина. Остатки двери, которую Фёдор с трудом притащил несколько дней назад и уронил на пол под общий хохот, теперь лежала на двух ящиках, превратившись в стол. Кто-то накрыл её застиранной, но чистой скатертью из бельевого шкафа. На этом столе парили тарелки с дымящейся кашей, стояли открытые банки тушёнки, а в центре даже красовалась вазочка с веточкой можжевельника – попытка добавить красоты в суровый быт.

– Какая роскошь, – пробормотал профессор Самолётов, усаживаясь за стол. – Почти как на научной конференции в Дубне в девяносто седьмом.

Никто не понял отсылки, но все оценили попытку старика внести нотку юмора. Расселись вокруг – кто на стульях, кто на перевёрнутых вёдрах. На миг воцарилась неловкая тишина – никто не знал, как начать трапезу. В старом мире были ритуалы: «Приятного аппетита», тосты, молитвы перед едой. Теперь же, в пограничном состоянии между выживанием и жизнью, прежние формальности казались неуместными, а новых ещё не создали.

– За нас, – просто произнёс Денис, поднимая кружку с кипятком. – За то, что мы всё ещё здесь.

Это прозвучало идеально. Без пафоса, лишних слов, но с глубоким чувством. Чокнулись кружками и принялись за еду.

Каша была обычной гречкой, разваренной до состояния, когда крупинки теряли форму, сливаясь в единую массу. Тушёнка – стандартной, с особым вкусом консервированного мяса, несравнимым ни с чем. Но здесь и сейчас эта пища казалась невероятно вкусной – не из-за ингредиентов или мастерства, а из-за контекста. Горячая еда после холода, сытость после голода, безопасность после опасности – всё придавало простой пище вкус роскошного пира.

– Кстати, о тех, кто ещё здесь, – Даша отложила ложку и посмотрела на Фёдора. – Что будем делать с нашим гостем в подвале? С Нефёндром.

Имя упало в разговор тяжёлым камнем, разбивая уютную атмосферу. Все вспомнили о связанном пленнике в технической комнате подвала. О человеке, вчера казавшемся воплощением зла, а теперь представлявшем проблему, требующую решения.

– Сначала допросим, – ответил Фёдор, оторвавшись от еды. – Он может знать больше о погашах, чем мы. И об Осоне.

– А ты знал его раньше? До всего этого? – осторожно спросила Оксана, коснувшись шрама на шее.

Фёдор помедлил, отставил тарелку и обвёл взглядом присутствующих. В глазах читалась тяжесть воспоминаний.

– Да, – сказал наконец. – Знал. И очень хорошо.

Выпрямился, словно собираясь с силами, подбирая слова. Огонь камина отбрасывал на лицо рваные тени, делая черты

резче, старше.

– Его настоящее имя – Ефим Кротов, – начал Фёдор голо-
сом полицейского, зачитывающего материалы дела. – Клич-
ка – Феня. До блэкаута был известной фигурой в криминаль-
ных кругах Яхромы и окрестностей. Я трижды сажал его, и
трижды он выходил и начинал сначала.

Все слушали напряжённо. Даже профессор отложил блок-
нот, впервые не делая записей, а полностью сосредоточив-
шись на рассказчике.

– В первый раз взял его на мошенничестве, – продолжил
Фёдор. – Простая, но прибыльная схема: скупал угнанные ав-
томобили, перебивал номера и продавал доверчивым граж-
данам. Бумаги всегда были безупречны – фальшивые, но ко-
мар носа не подточит. Люди радовались покупке машины с
«историей» по дешёвке, а потом, когда транспорт арестовы-
вали как угнанный, оставались без денег и средства передви-
жения.

Фёдор отхлебнул воды. По лицу скользнула тень усмешки,
но без радости – как у человека, вспоминающего не лучшие
времена.

– Семь лет получил, вышел через три за примерное пове-
дение. Характер всегда имел скользкий – умел убедить ко-
го угодно, что белое – это чёрное. Психолог в тюрьме писал
в отчётах об исключительных навыках манипуляции. Навер-
ное, эту способность использовал, чтобы создать Осона из
воздуха. Придумал несуществующего бога и заставил всех

поверить.

Фёдор помолчал, глядя в огонь, словно видел там продолжение истории.

– После первой отсидки сменил профиль. Открыл сначала массажный салон, потом ещё один, ещё... Всё легально с виду, налоги платил. Но я знал, что происходит на самом деле. Девушки, в основном из стран бывшего Союза, приезжали по объявлениям о работе официантками, уборщицами. На границе их встречали люди Нефёндра, забирали паспорта якобы для оформления документов и селили в общежитие при салонах. А там начиналась обработка: долги за дорогу, жильё, еду... И предложение «отработать» их особыми услугами.

– Бордель, – тихо произнесла Оксана с застывшим лицом.

– Именно, – кивнул Фёдор. – Но не просто бордель, а настоящее рабство. Девушек отказывавшихся избивали, насиловали, ломали психологически. Тех, кто пытался сбежать, калечили для устрашения остальных. Целая система. Два года собирали доказательства, наконец накрыли все точки одновременно. Двадцать семь девушек освободили, многие уже не считались психически здоровыми.

Даша машинально придвинулась к Денису, сплетя пальцы с его в поисках поддержки. Лиза, побледнев ещё сильнее, опустила взгляд в тарелку.

– Нефёндр получил десять лет за сутенёрство, организацию борделя, незаконное удержание людей. Вышел через

шесть, снова за примерное поведение. К этому моменту меня назначили начальником уголовного розыска Яхромы. Думал, повышение принесёт больше спокойствия.

Фёдор горько усмехнулся, вспоминая наивность.

– Он сам нашёл меня. Пришёл в участок, холёный, в костюме, с улыбкой: «Здравствуйте, Фёдор Михайлович, давно не виделись». Сказал, что завязал с криминалом, теперь честный бизнесмен, грузоперевозки. Действительно организовал фирму, всё по закону. Но я чувствовал – неспроста этот визит. Начал копать. И точно: под прикрытием грузоперевозок наладил канал поставки живого товара в Турцию. Девушек вывозили в контейнерах, держали в подвалах и продавали в бордели Стамбула.

– Чудовище, – прошептала Даша.

– Именно. Но хитрое, – Фёдор постукивал пальцами по колену, отбивая ритм мыслей. – Доказательств собрали мало, но хватило на восемь лет. Вышел через пять. И тут случился блэкаут. Буквально через месяц после освобождения – бац, и света нет. А у такого, как Нефёндр, нюх на ситуации, когда можно нажиться на чужом горе. Вот и организовал культ. И снова то же самое – девушки, рабство, насилие. Только вместо борделя – храм, а вместо сутенёров – служители культа.

Воцарилась тяжёлая тишина. Огонь в камине словно горел тише, пригибаясь под тяжестью услышанного. Лиза обхватила себя руками, защищаясь от невидимого холода.

– Неудивительно, что ты сразу узнал его там, в молельном зале, – заметил Денис, обращаясь к Фёдору. – Старые знакомые, так сказать.

– Да, и он тоже меня узнал, – тот потёр шрам на подбородке. – Видел, как дёрнулся? Но виду не подал, конечно. Слишком большая аудитория, много свидетелей. Но теперь, когда он в наших руках...

Не закончил фразу, но все поняли невысказанное: теперь с Нефёндром можно по квитаться. За всех девушек, за Лизу, за Оксану, за всех жертв его манипуляций.

– Что предлагаете с ним делать? – спросил профессор, поправляя очки. – С юридической точки зрения, мы не вправе быть судьями, но с практической... закона больше нет. Полиции тоже.

– Допросить и решить, – твёрдо сказал Денис. – Он может знать что-то важное об Осоне, о погашах. Если информация поможет нам выжить – это одно. Если просто психопат, использовавший хаос для своих целей, – совсем другое.

– Поговорю с ним утром, – кивнул Фёдор. – Один на один. Я знаю, как с такими разговаривать.

Оксана подняла взгляд:

– Хочу присутствовать, – произнесла тихо, но решительно. – Имею право знать, почему он делал то, что делал. Почему превращал нас в рабынь. В... «невест Осона».

Фёдор посмотрел долгим взглядом, затем медленно кивнул:

– Хорошо. Но за дверью. Если что-то пойдёт не так, если попытается давить на психику, как умеет... не хочу, чтобы ты снова оказалась под его влиянием.

Оксана не спорила. Понимала риск – Нефёндр был мастером манипуляций. И всё же потребность узнать, понять, поставить точку в этой главе жизни оказалась сильнее страха.

Пламя камина отражалось в глазах девушки, превращая их в два тёмных озера с танцующими огоньками. Сидела в стороне от остальных, обхватив колени, и наблюдала за Фёдором, подбрасывающим дрова в огонь с сосредоточенностью алхимика. Его уверенные движения завораживали, пробуждая давно забытое, утраченное в тёмных коридорах храма Осона. Желание. Не искусственное, навязанное культом, а настоящее, рождённое из простых чувств: благодарности, восхищения и проснувшейся нежности.

Разговор после ужина постепенно угасал, как пламя без кислорода. Сытость и тепло сделали своё дело – глаза слипались, тела наливались приятной тяжестью. Илья и Лиза устроились у камина, поделив одно одеяло. Профессор задремал в кресле, седая голова покачивалась в такт дыханию. Денис и Даша шёпотом обсуждали что-то в углу, их силуэты сливались в полумраке.

Решение пришло к Оксане внезапно, как приходят все важные решения – словно щелчок переключателя внутри. Расправив плечи, поднялась и направилась к бывшему полицейскому. Сердце билось чаще обычного, но страха не ощу-

щала – только странное спокойствие, будто нашла ключ к непокорному замку.

– Федя, – остановилась рядом, коснувшись плеча. – Будь другом, помоги мне.

Тот поднял голову, вопросительно взглянув. Языки пламени отражались в глазах, делая их янтарными, почти прозрачными.

– Я сегодня буду спать в спальне наверху, – продолжила Оксана, и что-то в голосе, какая-то новая нотка, заставила Фёдора напрячься, как струну. – Ты растопишь там камин?

Он откашлялся, скрывая смущение.

– Конечно, – ответил, поднимаясь. – Дрова есть?

– Найдём, – просто сказала Оксана, и два слова прозвучали обещанием чего-то большего, чем поиск топлива.

Денис бросил взгляд в их сторону и толкнул Дашу локтем. Та повернулась, увидела пару, направляющуюся к лестнице, и улыбнулась понимающе. Оксана перехватила взгляд и пожала плечами, будто говоря: «А что такого?» Но в глазах плясали те же огоньки, что в пламени – яркие, живые.

Лиза, дремавшая на плече Ильи, приподняла голову, проведив их долгим взглядом. На губах мелькнула тень улыбки – первая настоящая с момента освобождения из храма Осона. Профессор приоткрыл глаз и, заметив удаляющуюся пару, снова сомкнул веки, но на лице застыло выражение мудрого понимания – словно знал, что именно из моментов человеческого тепла соткана истинная жизнь, даже посреди

апокалипсиса.

А Фёдор ничего не замечал. Поднимался по лестнице следом, думая лишь о правильной растопке камина, чтобы не повторить недавний конфуз с дымом. Мысли оставались практичными – о тяге, сухости дров, продолжительности огня. И ни одна не касалась истинной причины приглашения.

Хозяйская спальня на втором этаже оказалась просторным помещением с высоким потолком и большими окнами, занавешенными тяжёлыми портьерами. Огромная кровать с резным изголовьем занимала центр, словно корабль в гавани. Туалетный столик с треснувшим зеркалом, платяной шкаф с приоткрытой дверцей, несколько кресел, обитых потускневшим бархатом – всё говорило о былой роскоши и нынешнем запустении. Камин располагался напротив кровати – большой, облицованный тёмным мрамором, с чугунной решёткой.

Оксана зажгла найденную свечу, поставив на прикроватный столик. Свет был неярким, но достаточным, чтобы не споткаться. Фёдор направился к камину, осмотрел с видом знатока.

– Вроде не забит, – пробормотал, заглядывая в тёмное жерло. – Дымоход мы почистили, тяга должна быть хорошей.

Собрал несколько деревянных ящиков из шкафа, сломал на части и уложил в камин. Оксана наблюдала, прислонившись к стене, скрестив руки. В полумраке комнаты фигура казалась тонкой и хрупкой, но одновременно сильной, как

стальная проволока – гибкой, нестигаемой.

Фёдор чиркнул спичкой, и огонь занялся, сначала робко, словно проверяя надёжность человека, затем увереннее, превратившись в ровное пламя. Оранжевые отблески заплясали на стенах, делая пространство теплее, уютнее.

– Ну вот, – сказал, поднимаясь и отряхивая руки. – Через полчаса будет совсем тепло. Может, ещё дров принести?

Он повернулся к двери, собираясь уходить, но голос Оксаны остановил, словно невидимая рука на плече.

– Ты куда?

Фёдор замер, затем медленно обернулся. Девушка смотрела с лёгким удивлением, будто намерение уйти казалось самым странным на свете.

– Я... – начал, но осёкся, не находя слов.

Оксана отошла от стены и приблизилась к нему. Движения напоминали поступь хищной кошки. Остановилась близко, что Фёдор ощутил тепло тела, чистый запах с нотами дыма и мяты.

– А как же награда для моего героя, – проговорила низким, чуть хриловатым голосом, – который сегодня спас свою принцессу?

Её ладони легли на плечи Фёдора – лёгкие, но уверенные, как птицы, нашедшие место для гнезда. Он почувствовал это прикосновение всем существом, словно через них вливалось давно забытое чувство – возможно, надежда, или нечто большее.

– Оксана, – только и смог выдохнуть, ощутив, как пересохло в горле.

Она подняла лицо, и Фёдор увидел в её глазах отражение пламени – но не просто отражение. Огонь горел внутри, настоящий, живой, не имеющий ничего общего с мёртвым синим свечением осонитов.

Их губы встретились – сначала осторожно, как путники, столкнувшиеся на узкой тропе. Но затем что-то сломалось – плотина, слишком долго сдерживавшая чувства. Поцелуй стал глубже, жаднее. Руки Фёдора обвили талию, притягивая девушку ближе, будто боялся, что она исчезнет, как мираж.

Оксана отстранилась первой. Глаза блестели, губы припухли от поцелуя. Она смотрела с выражением, которое он не мог разгадать – смесь решимости, нежности и вызова.

Затем, не отрывая взгляда, сделала шаг назад и взялась за край свитера. Одним движением стянула его через голову, обнажая стройное тело в обтягивающей футболке. Свитер полетел в сторону, приземлившись на спинку кресла. Взявшись за края футболки, сняла и её, открыв простой белый хлопковый лифчик с потёртыми бретельками.

Её пальцы расстегнули пуговицу на джинсах, затем вторую. Молния прожужжала вниз с тихим звуком. Джинсы соскользнули по бёдрам и упали к щиколоткам. Оксана переступила через них и отбросила ногой, оставшись в простом белом белье, прекрасном в своей простоте.

Фёдор смотрел на неё, забыв, как дышать. В свете ками-

на кожа казалась золотистой, словно покрытой тончайшей пылью солнца. Шрам на шее – напоминание о пережитом кошмаре – выглядел не уродливой отметиной, а знаком отличия, доказательством стойкости.

Оксана завела руки за спину, расстегнула крючки бюстгалтера. Лёгкое движение плечами, и лифчик соскользнул, обнажив грудь – не крупную, но идеально пропорциональную, с затвердевшими розовыми сосками. Грудь поднималась в такт дыханию – чуть учащённому, но спокойному, как у человека, уверенного в своих действиях.

– Оксана, – снова выдохнул Фёдор, но теперь в голосе звучало благоговение и желание, такое сильное, что почти причиняло боль.

Она улыбнулась – легко, чуть лукаво – и подцепила резинку трусиков. Плавное движение вниз, и последняя преграда исчезла. Оксана стояла перед ним полностью обнажённая, не стыдясь наготы.

Между бёдер виднелся треугольник волос, чуть темнее, чем на голове. Камин высвечивал изгибы тела – плавную линию от шеи к плечам, впадину между ключицами, округлости груди, плоский живот с едва заметным шрамом над пупком, изгиб талии, переходящий в бёдра. Ноги стройные, с тонкими лодыжками, кожа гладкая, как шёлк.

– Ты прекрасна, – прошептал Фёдор, чувствуя бессилие слов перед открывшейся красотой.

Оксана тихо рассмеялась звонким смехом.

– Тебе помочь раздеться? – спросила, делая шаг к нему.

Тот словно очнулся. Попытался расстегнуть рубашку, но пальцы не слушались. Оксана отстранила его руки и взялась за дело сама. Пуговица за пуговицей, неторопливо, расстегнула рубашку и помогла снять. Ладони скользнули по широкой груди, покрытой тёмными волосами. Под пальцами напряглись мышцы, натренированные годами службы и жизнью в мире, где выживают сильнейшие.

Ремень, пуговица джинсов, молния – всё поддалось её пальцам. Джинсы упали, Фёдор переступил через них, оставшись в трусах, не скрывавших возбуждения. Оксана улыбнулась и освободила его от последней детали одежды.

Теперь они стояли друг напротив друга, обнажённые, уязвимые, открытые – не только телами, но и душами. Два человека, прошедших через боль и страх, нашедших друг друга в этом мгновении.

Оксана сделала последний шаг, сократив расстояние до нуля. Их кожа соприкоснулась, тела прижались друг к другу. Они обнялись с силой отчаяния, словно пытаясь через объятие передать все невысказанные слова, невыплаканные слёзы, невыраженное одиночество прошедших месяцев.

Затем опустились на кровать, и матрас прогнулся с тихим скрипом – первой нотой в симфонии их близости. Тела переплелись, руки исследовали новые территории, губы находили самые чувствительные места.

Пальцы Фёдора скользили по телу Оксаны, запоминая

каждый изгиб, каждую впадинку, каждый шрам – видимый и невидимый. Он целовал её шею, ключицы, спускался к груди, прислушиваясь к изменениям дыхания. Ладонь скользнула между бёдер, нащупывая влажное тепло.

Оксана отвечала. Её руки изучали тело Фёдора, то нежно, то с нажимом, то поглаживая, то слегка царапая, как скульптор, разогревающий глину перед работой. Исследовала его шрамы – на плече, боку, бедре – свидетельства опасной жизни, целуя их, словно скрепляя печатью ценности.

Дыхание учащалось, движения становились настойчивее. Оксана оказалась сверху, оседлав его, глядя с выражением триумфа и... нежности. Приподнялась, направила его внутрь и опустила, принимая полностью.

Она охнула – не от боли, а от полноты ощущений, от осознания, что впервые за долгое время была с мужчиной по собственному желанию, а не принуждению. Тело вспомнило забытую радость единения, сладкую, как мёд, и пьянящую, как вино.

Двигались сначала медленно, нащупывая общий ритм, затем быстрее, повинувшись древнему танцу, старше их самих, старше цивилизации. Оксана запрокинула голову, волосы рассыпались по плечам, касаясь груди. В свете камина они казались объатыми пламенем.

Фёдор держал её бёдра, направляя, но не контролируя – она была свободна в своём танце, своём наслаждении. В её лице, движениях он видел возрождение того, что осониты

пытались уничтожить – женственности, силы, права выбирать, кому и как отдаваться.

Время исчезло, остались лишь ощущения – скольжение кожи по коже, пульсация крови, жар тела, нарастающее напряжение. Оксана впивалась ногтями в грудь Фёдора, оставляя маленькие полумесяцы – подтверждая реальность происходящего.

Когда волна наслаждения накрыла её впервые, она вскрикнула – коротко, удивлённо, словно не ожидала, что тело ещё способно на такую острую радость. Внутренние мышцы сжались, усиливая его удовольствие. Но Фёдор сдержался, позволив ей насладиться моментом, наблюдая, как дрожь пробегает по телу, как закрываются глаза и приоткрываются губы в безмолвном восторге.

Сменили позицию – теперь Фёдор оказался сверху, а Оксана обвила его ногами и руками. Он вошёл снова, глубже, и их движения стали интенсивнее, почти отчаянными, словно оба боялись, что этот момент может исчезнуть, как сон при пробуждении.

Оксана ощущала каждое движение Фёдора как волну, бьющуюся о берег сознания, смывающую частички страха, боли, унижения, накопленных за месяцы плена в храме Осона. Каждый толчок стирал воспоминание о насилии, каждый стон заменял эхо принуждения собственным голосом наслаждения. Она была жива, снова принадлежала себе, и никакой культ не мог отнять этого чувства.

Они перекатывались по кровати, меняя позиции, открывая новые источники удовольствия. Время от времени Оксана вскрикивала, когда очередная волна накатывала – каждый раз иначе, сильнее, глубже. А Фёдор наслаждался не только собственными ощущениями, но и её раскрытием – видеть, как она расцветает под его ласками, приносило едва ли не большее удовольствие, чем физическое удовлетворение.

Наконец, когда оба были на грани изнеможения, Фёдор ощутил приближение кульминации. Оксана, уловив это по учатившемуся дыханию и напряжению мышц, обхватила его ногами крепче.

– Со мной, – прошептала на ухо. – Сейчас. Вместе.

И он отпустил себя, позволил волне накрыть с головой. Они достигли пика почти одновременно, их стоны слились в единый звук – не просто выражение физического удовлетворения, но своеобразная клятва, обещание, договор между двумя людьми.

После лежали переплетённые, тяжело дыша, не желая разомкнуть объятия. Пот остывал на телах, оставляя лёгкий озноб, несмотря на тепло камина. Фёдор натянул одеяло, и они прижались ещё теснее.

– Спасибо, – прошептала Оксана, уткнувшись в его плечо.

– За что? – спросил он, глядя по волосам.

– За то, что спас меня сегодня, – ответила она. – И не только от Нефёндра. От страха. От прошлого.

Фёдор хотел сказать что-то важное, что вертелось на язы-

ке, но не облекалось в слова. Вместо этого просто крепче прижал её, целуя в висок, скулу, уголок губ.

Они говорили ещё долго – тихими голосами, прерываясь на поцелуи и прикосновения. О прошлом – до блэкаута, о жизни, теперь казавшейся почти нереальной, как забытый сон. О настоящем – о найденном доме, о людях, связавших их судьбы. О будущем – таком неопределённом и одновременно более ясном, чем когда-либо, потому что они больше не были одни.

Когда разговор иссяк, они снова соединились – медленнее, нежнее, но не менее страстно. И только под утро, когда огонь превратился в тлеющие угли, а за окном начало сереть небо, они наконец заснули, обнявшись, как дети, ищущие защиты друг в друге от ночных кошмаров.

Их лица во сне были спокойны, словно они нашли в хаосе постапокалиптического мира островок покоя – маленький, хрупкий, но настоящий. И пока они спали, первые лучи солнца пробивались сквозь щели в занавесках, касаясь их лиц золотистым светом нового дня – дня, который они встретят уже не поодиночке, а вместе.

Глава 3

Рассвет наступал неохотно. Холодное зимнее солнце выползало из-за горизонта, окрашивая снег в бледно-розовый цвет. Дыхание семерых путников у дверей особняка превращалось в облака пара.

Денис затянул лямки рюкзака потуже, проверяя надёжность самодельных креплений – в этом новом мире даже порвавшийся ремень мог стать бедой. Дорога к Рогачёвскому мосту предстояла неблизкая, а февральский день короток.

– Все готовы? – спросил Денис.

Лиза, бледная, но твёрдо стоявшая на ногах, кивнула. Рядом замер Илья, положив руку ей на плечо – не столько для поддержки, сколько для уверенности, что девушка не исчезнет вновь. Профессор Самолётов проверял содержимое потрепанной сумки, бормоча о термосе и сухих носках. Даша уже стояла у края дорожки, нетерпеливо поглядывая в сторону леса – там, за деревьями, лежал их путь.

Фёдор и Оксана вышли последними. Не держались за руки, не обменивались взглядами, но что-то неуловимое изменилось между ними. Девушка поправила шарф, закрывая шрам на шее, бывший полицейский мимолётом коснулся её локтя – едва заметное движение, полное нежности.

– А что с... – начала Даша, кивнув в сторону подвала, где оставили связанного Нефёндра.

– Всё по плану, – ответил Фёдор. – Еды и воды на три дня, связан надёжно. Дверь заперта, ключ у меня. Если всё пройдёт хорошо, и мы вернёмся – решим его судьбу. Если нет... – он не договорил, но все поняли: Нефёндра ждёт медленная смерть в темноте.

Группа тронулась в путь, оставляя позади особняк – странное, но почти родное пристанище, давшее им кров и надежду. Денис шёл первым, прокладывая дорогу через сугробы. За ним Даша с самодельным копьём – обломком лыжной палки с привязанным ножом. Следом профессор, чья трость по-прежнему погружалась в снег почти на всю длину, и Лиза с Ильёй, державшиеся рядом, словно боялись разлуки. Фёдор и Оксана замыкали шествие – стражи тыла, с ножами на поясе и настороженным взглядом.

Лес встретил их тишиной, нарушаемой скрипом снега под ногами и редким потрескиванием веток. Иногда раздавался крик вороны, и путники замирали, вслушиваясь – просто птица или сигнал опасности? В этом новом мире даже природа казалась участницей игры между выжившими и охотниками.

– Если сохраним темп, к полудню будем в Дмитрове, – сказал Фёдор на коротком привале. – Там сделаем перерыв и разведем обстановку.

Денис кивнул, разломив кусок сухаря и протянув половину Даше. Та благодарно приняла, но есть не стала – положила в карман.

– В городе могут быть патрули, – заметил Илья. – Как в Яхrome.

– Могут, – согласился Фёдор. – Будем действовать по ситуации. Главное – не привлекать внимания.

Когда двинулись дальше, Оксана поравнялась с Лизой. Между женщинами установилось особое понимание – обе прошли через ад культа Осона, обе были «невестами», обе видели тёмную сторону нового мира. Редко говорили об этом, но каждая знала: другая поймёт невыразимое.

– Ты как? – тихо спросила Оксана, преодолевая крутой подъём.

– Лучше, – ответила Лиза. – Сны всё ещё... странные. Но уже не так страшно.

– Пройдёт, – уверенно кивнула Оксана. – Не сразу, но пройдёт. Главное – помнить, что ты снова принадлежишь себе.

Лиза благодарно улыбнулась и сжала руку спутницы – короткое прикосновение, значившее больше многих слов.

К полудню, как предсказывал Фёдор, лес начал редеть, и между деревьями показались очертания городских окраин. Дмитров лежал перед ними – серая громада домов под снегом, с редкими дымками над крышами, выдававшими присутствие жизни.

– Держимся вместе, – напомнил Денис, выходя на окраинную улицу. – Никаких резких движений. При встрече – вежливость и нейтралитет. Мы просто проходим мимо.

Город встретил их тишиной. Улицы, некогда заполненные машинами и спешащими людьми, напоминали декорации к фильму о конце света. Занесённые снегом автомобили стояли там, где их застал блэкаут – посреди дороги, на тротуарах, некоторые врезались в столбы или друг в друга. Окна домов пустовали или были забиты фанерой. Поблёкшие и заснеженные вывески магазинов напоминали о прошлом.

Но город не был мёртв. То здесь, то там виднелись следы обитателей – протоптанные тропинки между подъездами, верёвки с замёрзшим бельём, самодельные дымоходы из окон. Жизнь сохранялась.

Группа шла по центральной улице, держась теней домов, готовая в любой момент скрыться в переулке. Впереди показалась площадь – бывший центр городской жизни, окружённый административными зданиями и магазинами. Но вместо привычной пустоты заснеженного пространства их взгляду предстало нечто необычное.

– Смотрите, – Даша указала вперёд. – Что это?

К стене одного из зданий, вероятно, бывшего дома культуры, тянулась вереница людей. Десять, может, пятнадцать человек стояли, переминаясь с ноги на ногу, дожидаясь очереди подойти к стене, покрытой бумажными листами.

– Доска объявлений? – предположил Илья, прищурившись.

– Или что-то вроде того, – кивнул профессор Самолётов, и в его голосе послышалось профессиональное любо-

пытство. – Интересно. Очень интересно.

Они приблизились осторожно, готовые отступить при первых признаках опасности. Но люди у стены не обращали на них внимания – слишком поглощённые своим занятием. Кто-то прикреплял новые листки, кто-то внимательно читал висевшие, некоторые делали пометки карандашом прямо на бумаге, а двое пожилых мужчин методично снимали и складывали в стопку часть объявлений.

– Социальная сеть, – тихо сказал профессор, когда подошли достаточно близко. – Аналоговая, без электричества и интернета. Удивительно, как быстро люди воссоздают привычные модели общения.

Вся стена была покрыта сотнями бумажных листков разного размера, цвета и качества. Тут были страницы из тетрадей, обрывки обоев, куски картона, даже берестяные свитки – всё, на чём можно писать. На этом разнообразном материале размещались послания – мольбы, предложения, предупреждения, вопросы. Множество человеческих нужд, страхов и надежд, записанных чернилами, карандашом, углём.

Денис шагнул ближе, всматриваясь в ближайшие объявления. «Ищу сына, Мишу, 12 лет, пропал в районе старой башни 16 декабря», – гласило одно, а под ним, другим почерком было приписано: «Видели мальчика похожего возраста в лагере у Яхромы. Спросите у старосты». И ещё одна приписка, совсем свежая: «Лагерь сгорел три дня назад. Выживших увели в сторону Москвы».

Рядом висело объявление на куске обоев: «Меняю тёплые сапоги 43 размера на консервы. Шульц, Первомайская 12». Под ним несколько пометок: «Сапоги ещё есть?», «Какие консервы нужны?», «Шульц умер от пневмонии в январе». И совсем свежая: «Вещи Шульца теперь у Серёги со второго этажа».

– Боже мой, – прошептала Даша, замерев перед листком, приклеенным детской рукой. Неровные буквы расплылись: «Ищу маму, Светлану Игоревну. Я живу в подвале библиотеки с другими детьми. Тётя Вера не разрешает уходить далеко, но я всё равно прихожу сюда каждый день. Мама, если ты это читаешь, я на Пролетарской. Я очень скучаю. Аня, 7 лет».

Её голос дрогнул. Денис обнял Дашу за плечи, но промолчал – слова не могли помочь перед такой болью.

Они читали объявления, погружаясь в рукотворный архив жизни после катастрофы. Фёдор заметил, что некоторые листки были пронумерованы и аккуратно подшиты, другие снабжены пометками «актуально до» с указанием даты.

– Смотрите, – он указал на двух пожилых мужчин, методично работавших с объявлениями. – Это кураторы. Они поддерживают порядок, убирают устаревшие сообщения, систематизируют новые.

– Не только они, – добавила Оксана, кивая в сторону молодой женщины, записывавшей что-то в толстую тетрадь, периодически сверяясь со стеной. – Эта, похоже, создаёт подо-

бие базы данных. Копирует важную информацию, чтобы не потерялась.

Профессор наблюдал за происходящим с интересом. Его глаза блестели, рука тянулась к блокноту.

– Поразительно, – бормотал он. – Совершенно поразительно. Мы наблюдаем рождение новой формы общения, сочетающей черты доцифровой эпохи с привычками из интернета. Смотрите, – он указал на объявление, переписанное и прикреплённое в нескольких местах стены, – это аналог «репоста». А здесь, – его палец переместился на листок с множеством пометок, – видим подобие «комментариев» и «дискуссии».

– Кажется, вы нашли тему для новой диссертации, профессор, – улыбнулся Денис.

– Если бы ещё было кому её защищать, – вздохнул старик, не отрывая взгляда от стены. – И перед кем.

Илья, стоявший чуть в стороне, вдруг напрягся. Он читал большое объявление на оборотной стороне календарного листа. Его лицо сначала выразило удивление, затем тревогу.

– Денис, – позвал он тихо. – Фёдор. Вам стоит это прочитать.

Они подошли, и все вместе склонились над текстом. Крупные, неровные буквы складывались в предупреждение: «ОПАСНОСТЬ! Не приближайтесь к барже у Рогачёвского моста. Там странные пассажиры, которые выходят только по ночам. Трое наших пошли на разведку 7 февраля. Вер-

нулся только один, без рассудка. Всё твердил про синий свет и холод. Умер через день. **ДЕРЖИТЕСЬ ПОДАЛЬШЕ!»**

Под этим было несколько пометок разными почерками: «Подтверждаю. Видел странное свечение с берега». «Мой брат говорил о барже то же самое перед тем, как пропасть». «Это правда. Ночью оттуда доносятся голоса, но не человеческие».

И самая свежая запись, сделанная, судя по чернилам, недавно: «12 февраля пропала группа из пяти человек, которые пошли к барже за «энергетическими картами». Никто не вернулся».

– Двенадцатое февраля – это позавчера, – тихо сказала Даша, переглянувшись с Денисом.

– Что за «странные пассажиры»? – нахмурился Фёдор. – Осониты? Погаши? Или что-то новенькое?

Лиза вздрогнула и придвинулась ближе к Илье. Оксана положила руку на рукоять ножа – жест, ставший почти автоматическим при упоминании опасности.

– Синий свет, – пробормотал профессор, задумчиво потирая подбородок. – Как у Нефёндра и его «невест». И у погашей тоже было что-то... неестественное в глазах. Заметили?

Они переглянулись с тревогой. То, что начиналось как рискованное, но понятное предприятие – найти баржу с припасами, – внезапно стало зловещим.

– Что будем делать? – спросила Даша, обращаясь больше к Денису. – Поворачиваем назад?

Денис смотрел на объявление долгим взглядом, пытаясь найти больше информации, чем было написано. Затем медленно покачал головой.

— Мы зашли слишком далеко, — сказал он тихо. — И слишком многое поставили на карту. Если на барже действительно есть энергетические карты...

— ...которые работают, — добавил Илья, взглядом прося у Лизы поддержки.

— ...то это может изменить всё, — закончил Денис. — Для нас. Для особняка, который может стать настоящим домом.

Фёдор кивнул, соглашаясь.

— К тому же, — добавил он, — мы уже сталкивались и с осонитами, и с погашами. И пережили это. Мы знаем, с чем имеем дело.

— Не обязательно, — возразил профессор. — Что, если это что-то новое? Что, если это... сам источник блэкаута?

Его слова повисли в воздухе. Все молчали, переваривая сказанное. Мысль о том, что причина катастрофы, превратившей их мир в тёмное, холодное место, может находиться так близко, была пугающей и притягательной.

— Тем больше причин пойти и выяснить, — наконец сказал Денис. — Но будем осторожны. Доберёмся до моста засветло, осмотримся. Никакого риска. И никаких ночных вылазок.

Один за другим они кивнули, соглашаясь с планом. Даже Лиза, чьи глаза выражали тревогу, нашла в себе силы кивнуть. В конце концов, они пережили слишком многое, чтобы

остановиться сейчас.

Перед уходом Денис ещё раз взглянул на стену объявлений. Эта аналоговая социальная сеть из бумаги, чернил и человеческой потребности в связи впечатляла. Люди продолжали общаться, искать друг друга, предупреждать об опасностях, делиться находками – даже когда мир вокруг менялся.

Возможно, подумал он, собираясь в дорогу, именно в этом и есть секрет выживания человечества. Не в электричестве, не в технологиях, а в потребности связи с другими. В желании делиться своими историями, даже если приходится писать их на обрывках обоев и клеить к стене.

Они покинули площадь, направляясь к Рогачёвскому мосту. Впереди ждала баржа с таинственными пассажирами и обещанием энергетических карт. Опасность? Несомненно. Но также и надежда. А в мире после блэкаута надежда стала ценной валютой.

Сумерки опускались на заснеженную землю. Рельсы Рогачёвского железнодорожного моста, покрытые инеем, тянулись над замёрзшим каналом имени Москвы. Ржавые фермы, некогда дрожавшие под тяжестью проходящих составов, теперь застыли в тишине. Семеро путников остановились между бетонными опорами, вглядываясь в сгущающийся сумрак, где виднелся тёмный силуэт баржи, вмёрзшей в лёд канала в тени железных конструкций.

Денис, прищурившись, изучал открывшуюся картину.

Февральский закат окрашивал горизонт в грязно-розовые тона, а зимнее солнце, уже касавшееся кромки леса, бросало последние лучи на металлические конструкции. Под ними находилась массивная грузовая баржа, вросшая в лёд, её борта покрылись инеем, а палуба – снегом.

– Вот она, – тихо сказала Даша, встав рядом. Её дыхание вырвалось изо рта облаком пара, быстро растворившимся в холодном воздухе. – Надо же, объявление не врало.

Профессор Самолётов опустил сумку на снег и достал блокнот. Его пальцы в потёртых кожаных перчатках словно не чувствовали холода, когда он делал заметки мелким почерком.

– Грузовая баржа класса «Волго-Дон», если не ошибаюсь, – пробормотал он, рассматривая судно. – Использовалась для перевозки контейнерных грузов по внутренним водным путям. Интересно, что она делала здесь в момент блэкаута?

– Скорее всего перевозила энергетические карты из Москвы, – предположил Илья, обнимая Лизу за плечи. Девушка вздрогнула, не отрывая взгляда от баржи.

– Если эти карты перевозились до блэкаута... – профессор внезапно замер, его глаза расширились. – Это означает, что их изготовили заранее. А значит, правительство знало. Они готовились к тому, что должно было произойти.

– И почему тогда никто не забрал эти карты за целый год? – Фёдор подошёл к краю моста, рука скользнула к руко-

яти ножа – движение, ставшее таким же естественным, как дыхание, с тех пор как мир погрузился во тьму.

Оксана встала рядом, всматриваясь в темнеющий силуэт баржи.

– Судя по объявлению, пытались, – тихо сказала она, поправляя шарф, прикрывающий шрам на шее. – Но не вернулись.

Группа замолчала, переваривая эту мысль. В сумерках баржа выглядела ещё более зловещей на фоне замёрзшего канала. Ветер усилился, принося запах снега и металла, а вдалеке раздался волчий вой, от которого стало не по себе.

– Что будем делать? – спросила Даша, переводя взгляд с баржи на небо, где проступали первые звёзды. – Скоро стемнеет окончательно.

Фёдор выпрямился, приняв решение.

– Идём сейчас, – сказал он твёрдо. – Не будем ждать до утра.

– Но ты же сам читал объявление, – возразил Денис. – «Странные пассажиры выходят по ночам». Может, стоит переждать в каком-нибудь укрытии?

Фёдор покачал головой.

– Подумай сам. Если там действительно кто-то обитает, то они сейчас, скорее всего, на охоте. Погаши активизируются с наступлением темноты и покидают убежища. Сейчас у нас может быть лучший шанс обследовать баржу, пока эти... существа... где-то в другом месте.

Профессор Самолётов задумчиво потёр подбородок.

– В этом есть логика, – признал он. – Если, конечно, предположить, что эти «пассажиры» действительно погаси или нечто с похожими повадками.

– А если нет? – спросила Лиза, её голос едва заметно дрожал. – Если это что-то... другое?

Фёдор положил руку ей на плечо.

– Тогда будем осторожны. При первых признаках опасности отступаем. Главное – не разделяться.

Денис внимательно посмотрел на остальных. В глазах каждого читалось смешанное чувство страха и решимости. Они знали, на что идут. Предупреждение на стене было достаточно ясным. Но сейчас, стоя так близко к цели, отступить казалось страшнее, чем двигаться вперёд.

– Хорошо, – кивнул Денис. – Спустимся по насыпи и пересечём лёд. Идём плотной группой. Керосиновые лампы берегите – нам ещё возвращаться.

Они начали спускаться по склону к замёрзшему каналу. Снег скрипел под ногами, иногда проваливаясь почти до колена в скрытых наметах. Профессор Самолётов, опираясь на трость, медленно следовал за более молодыми спутниками, изредка кряхтя от усилий. Илья шёл рядом, готовый подставить плечо.

Достигнув кромки льда, Фёдор остановил группу жестом.

– Лёд может быть непрочным, особенно у берега, – предупредил он. – Я пойду первым, проверяя путь. Денис – за

мною в пяти шагах. Остальные идут след в след, ступая только туда, где уже прошли мы. Если кто-то провалится – не паниковать. Сразу лечь и распределять вес, мы вытащим.

Он достал из рюкзака моток верёвки и обвязался вокруг пояса, другой конец протянул Денису.

– Держи крепко. Если что – дёргай.

Фёдор ступил на лёд, сначала осторожно, прощупывая поверхность, затем, убедившись в её прочности, двинулся вперёд, стараясь идти равномерным шагом, распределяя вес. Иногда он останавливался, прислушиваясь к звукам льда, постукивал по нему рукоятью ножа, проверяя толщину.

За ним, соблюдая дистанцию, шёл Денис, крепко держа верёвку. Даша двигалась точно по его следам, за ней – Лиза с Ильёй, затем Оксана, страхующая профессора, который замыкал процессию. Они двигались медленно, молча, слыша лишь своё дыхание да потрескивание льда под ногами.

Когда сумерки сгустились, Даша достала керосиновую лампу и зажгла её. Слабый желтоватый свет создавал вокруг группы островок видимости, но за его пределами тьма становилась гуще. Их тени вытягивались на ледяной поверхности.

– Мне кажется, или стало ещё холоднее? – прошептала Лиза, плотнее закутываясь в шарф.

– Это нормально, – отозвался профессор. – Над открытыми пространствами льда температура обычно на несколько градусов ниже, чем в лесу или городе. Плюс ветер.

Но Денис заметил, что дело было не только в естественном холоде. По мере приближения к барже что-то менялось в атмосфере. Воздух становился разреженным и холодным. Это было ощущение, которое он испытывал в присутствии погашей – странное чувство истощения.

Фёдор тоже это почувствовал. Его движения стали резкими, напряжёнными. Он всматривался в силуэт баржи, который с каждым шагом становился отчётливее.

– Осталось не больше пятидесяти метров, – сказал он, оглядываясь на группу. – Все в порядке?

Они кивнули, не тратя силы на слова. Даша подняла лампу выше, пытаясь рассмотреть судно, но свет был слишком слабым для такого расстояния.

Внезапно лёд под ними издал протяжный звук. Все замерли, вслушиваясь в него, разносившийся над каналом.

– Просто движение льда, – спокойно объяснил Фёдор, хотя голос звучал напряжённо. – Он меняется. Продолжаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.